

Вера
КРЫЖАНОВСКАЯ

Сочинения

Вера Крыжановская-Рочестер
Заколдованный замок

«Public Domain»

1898

Крыжановская-Рочестер В. И.

Заколдованный замок / В. И. Крыжановская-Рочестер — «Public Domain», 1898

Роман «Заколдованный замок» – увлекательный и интригующий, – раскрывает судьбу маркиза Беранжэ – последнего отпрыска древнего рода де Верделэ, потерявшего всякое представление о добре и зле и признававшего только один закон – свое удовольствие. Ради получения наследства своего дядюшки он женится на его воспитаннице Алисе де Руврэ, обрекая ее чистую и невинную душу на безысходную и одинокую жизнь. И только переезд молодой четы Беранжэ в родовое гнездо баронов де Верделэ, где невероятным образом начинают оживать древние легенды о кровавых преступлениях его бывшего владельца, круто меняют их судьбу...

© Крыжановская-Рочестер В. И., 1898

© Public Domain, 1898

Содержание

Глава I	5
Глава II	21
Глава III	30
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Вера Ивановна Крыжановская

Заколдованный замок

Глава I

На улице Лилль, недалеко от улицы Святых Отцов, высится изящный отель, окруженный садом. Бури революции и строительная лихорадка последних лет не коснулись этого чисто княжеского дома. Роскошный и простой в одно и то же время, этот дом ничем не уступал дворцам, сохранившимся в предместье Сен-Жермен и принадлежавшим самой утонченной аристократии, самому избранному и развитому обществу.

В чудный майский день 1890 года, железные решетчатые ворота только что описанного нами отеля были широко раскрыты. Длинный ряд экипажей то и дело останавливался у подъезда, над которым красовался маленький герб. Из них выходили нарядные дамы, военные и высокопоставленные штатские мужчины. Весело разговаривая, они поднимались по монументальной лестнице, устланной ковром и украшенной цветами и статуями. Любопытные, остановившиеся перед отелем и расспросившие слуг, узнали, что здесь празднуется бракосочетание племянника и единственного наследника барона Эрнеста де Верделе с его воспитанницей Алисой де Рувре.

В роскошной гостиной отеля стояли новобрачные и отвечали на поздравления гостей улыбками и любезными фразами. Это была очаровательная парочка, что и твердили единогласно все гости старому барону, который видимо радовался заключенному браку, соединившему единственного сына его брата с дочерью старого друга.

И действительно, молодые супруги вполне оправдывали расточаемые им комплименты. Маркиз Арман Беранже де Бреган-Верделе был красивый тридцатидвухлетний мужчина, высокий и стройный, с правильными чертами лица. Густые белокурые волосы обрамляли его широкий и умный лоб. Борода и усы, несколько более темного цвета, резко выделяли ярко пурпурные губы большого, но хорошо обрисованного рта. Взгляд больших и темных глаз был скрыт стеклами пенсне. Сильная бледность и выражение усталости несколько портили это приятное лицо. Маркиз был одет безукоризненно. В каждом его жесте, в каждом взгляде сквозили гордое спокойствие и уверенность в себе, которые, впрочем, смягчались любезностью, предупредительностью и изяществом манер.

Молодая маркиза была очаровательное создание восемнадцати лет, со свежим детским личиком, оживленным большими серо-стальными глазами, обрамленными длинными, черными ресницами. Небольшой розовый рот сохранял серьезное и высокомерное выражение. Она была среднего роста, но так хорошо сложена, что казалась выше.

Вообще, маркиза была еще ребенком, но ребенком, обещающим развиваться в очаровательную женщину.

В настоящую минуту она пленяла всех грациозной любезностью, девственной чистотой и скромностью, которыми дышала вся ее фигура.

Когда кончились поздравления, все общество разбилось на группы. Маркиз подошел к компании молодых людей, а новобрачная удалилась в амбразуру окна с молодой дамой, своей подругой.

Последняя, высокая и красивая женщина, села на небольшой диванчик и привлекла к себе Алису. Затем, устремив смеющийся взгляд в задумчивые глаза молодой, сказала шутя:

– Полно! Брось этот неприступный вид! Еще в церкви, во время церемонии, я любовалась твоей трагической торжественностью. Или, может быть, тебе не нравится Беранже? А, право, он очень не дурен.

– Минута была так торжественна, а речь монсиньора Серве так трогательна, что, признаюсь тебе, я была сильно взволнована, – произнесла Алиса, оставив без ответа насмешливый вопрос подруги.

– О! Все, что говорил монсиньор Серве об обязанностях супругов, о прелестях семейной жизни и счастье союза, основанного на взаимной любви – все это очень хорошо, но... но не следует так уж серьезно смотреть на его благочестивую речь. Жизнь, видишь ли, далеко не роман, а мужа далеко не Амоди. Эти господа причиняют немало неприятностей, и женам приходится о многом молчать.

В эту минуту подошли посторонние люди и прервали этот разговор.

Улучив минуту, когда они снова остались одни, молодая женщина шепнула Алисе:

– Теперь ты можешь скрыться, Алиса, так как гости скоро разъедутся. Пойдем в твою комнату. Пока ты будешь переодеваться, мы можем поговорить.

Четверть часа спустя маркиза уже была в своей девичьей комнате. Пока камеристка снимала с нее вуаль, гирлянды цветов и тяжелое шелковое платье с длинным шлейфом, она взглянула на часы и сказала:

– До отъезда поезда остается еще больше двух часов. Этьенетта! Дайте мне пенюар и оставьте нас одних. Через час вы придете одеть меня, а пока заканчивайте укладку вещей.

Пока Алиса одевала батистовый пенюар и розовые плюшевые туфли, ее подруга села на диван и задумалась. Марион Лаверди была, как мы уже говорили, очень красивая женщина, высокая и стройная, с густыми черными волосами, с большими смелыми глазами итальянского типа и с пурпурным ртом, на котором играла вызывающая улыбка. Она воспитывалась вместе с Алисой де Рувре в *Sacre-Coeur*. Будучи значительно старше своей подруги, она уже около четырех лет была замужем. Господин Лаверди был много старше своей жены. Он был депутатом и богатым землевладельцем. Оба супруга вели светскую, но вполне правильную жизнь. Дружба, сблизившая подруг в монастыре, несмотря на разницу в годах, сохранилась до настоящего времени, и они по-прежнему были вполне откровенны друг с другом.

– Ну, теперь говори все откровенно, – сказала госпожа Лаверди, как только камеристка вышла из комнаты. – Моя злосчастная поездка к тетке разлучила нас на шесть недель. Вернувшись назад, я нашла в тебе большую перемену. В день обручения ты гораздо больше восхищалась своим Беранже. Это до такой степени бросилось мне в глаза, что я даже спросила тебя, перестал ли он тебе нравиться? Чем это он мог так разочаровать? Наконец, ведь ты его давно уже знаешь.

Алиса села рядом с подругой и нервным жестом откинула локоны, спустившиеся на лоб.

– Твоя проницательность, Марион, не обманула тебя. Да, я разочаровалась и очень боюсь, что сделала плохой выбор. Поэтому-то, во время церемонии, по мере того как соединявшие нас узы становились неразрывными, мое сердце все больше и больше наполнялось тоской и страхом.

– Что же такое случилось?

– Ничего существенного. И однако, во мне зародилось убеждение, что он не любит меня и что он женился на мне только уступая желанию дяди, который хотел остепенить его и положить конец его холостой жизни, слишком долго продолжавшейся для последнего из Верделе. Признаюсь тебе, Беранже мне очень нравился и я была очень счастлива, когда он предложил мне свою руку и сердце. Первое время после обручения он был очарователен, нежен, пылок и любящ... но мало-помалу все изменилось. Можно сказать, что он сбросил с себя давившую его маску. Он сделался пренебрежителен, вечно отлучался по каким-то неотложным делам, а со мной оставался, видимо, скрепя сердце. Наконец, в его манере держаться стало сквозить что-то оскорбительное. Я знаю, что мне следовало возратить ему слово, и у меня не раз являлось это желание, но я боялась скандала и сплетен. Кроме того, я не хотела огорчать своего опекуна, которому стольким обязана и которого так радовал наш брак.

– Понимаю твои чувства, но... можно примириться со всем. Беранже – красивый мальчик. Он заставит позабыть твои маленькие разочарования, – заметила Марион с фривольной улыбкой. Алиса покраснела и нахмурила брови.

– Правда, он недурен, но в то же время, он пресыщен жизнью и очень занят собой. Однако, он сильно ошибается, если думает, что я стану ухаживать за ним и впрягусь в его триумфальную колесницу.

– Конечно, сначала ты будешь чувствовать себя не совсем в своей тарелке. Семейная жизнь не без шипов. Ее немало отравляют жены, бросившие мужей, актрисы, разные певицы и прочие женщины в этом же роде, – насмешливо сказала Марион.

– О! Женщины подобного сорта! Если бы я знала что это правда!

– Как ты наивна! Ты сомневаешься, а я уверена что у него есть какая-нибудь связь в этом роде.

– Ты это знаешь и ничего мне не сказала? Как это нехорошо с твоей стороны, Марион! Несмотря на все, я бы взяла свое слово обратно! – вскричала Алиса со сверкающим взглядом.

Марион Лаверди покачала головой.

– Та-та-та! Как ты горячишься. Разрыв, скандал, целый ураган – и все это из-за таких пустяков. Неужели ты думаешь, что в наше время еще существуют верные трубадуры? Я старше тебя и уже около четырех лет замужем, а потому имею некоторую опытность. Могу уверить тебя, что все мужья похожи друг на друга. Уж не думаешь ли ты, что мой муж составляет исключение? О! В первый год я много перепортила себе крови, когда узнала, что пресловутые совещания с избирателями играют только роль ширм, что деловые поездки совершаются в обществе дамы полусвета, что эта негодница носит бриллианты гораздо лучше моих, и что мой милый супруг нанимает целое купе, тогда как мне устраивает сцены из-за каждого счета портних и упрекает меня в недостатке экономии.

– И ты переносила все это без всякого протеста?

– Если я не желала публичного скандала, надо было молчать. Я же предпочла мир...

– А граф Нерваль? – с упреком заметила Алиса.

Марион откинула голову назад, и полузакрытые глаза ее сверкнули лукавством.

– Что ты хочешь? Я тоже желаю носить бриллианты и хочу быть любимой. Рожер обожает меня. Он в полном смысле слова джентльмен и никогда не скомпрометирует женщину. Я поступила немного неосторожно, поверив тебе мое счастье, но я надеюсь на твою скромность. Когда ты узнаешь графа, сама почувствуешь к нему симпатию.

– Да, правда! Я еще никогда не встречала его у тебя.

– Повторяю тебе: Рожер очень скромен. Кроме того, этой зимой он надолго уезжал по делу о наследстве. Но осенью ты увидишь графа. Мой муж пригласит его к нам поохотиться, а мы с тобой соседки, благодаря счастливой мысли твоего опекуна купить имение Верделе и подарить его маркизу, твоему мужу.

– Это наследственная земля. Она была потеряна во время революции, и барон всегда жаждал снова приобрести ее. Красивое это место?

– Очень поэтичное! Красивая вилла стоит на склоне скалы, увенчанной гигантскими руинами. Эти руины, говорят, заколдованы. В долине есть развалины еще одного монастыря, разрушенного во время революции. Таким образом, ты будешь жить в стране привидений. Но у нас ты будешь возвращаться к действительности и развлечешься. У нас будет много гостей и между прочим мой фаворит-тевтон.

– Это еще кто такой? – с удивлением спросила Алиса.

– Красивый моряк. Он только что вернулся из кругосветного плавания и будет наслаждаться шестимесечным отпуском. Этот моряк – младший брат моей belle-mere, немки, как тебе известно. В физическом отношении, Гюнтер очаровательный юноша. Он – высокий и стройный блондин, с голубыми глазами, сверкающими, как звезды. При всем том, он добродетельный.

телен и скромен, как молодая девушка. Я всегда думала женить его на тебе, так как он тоже мечтает о временах трубадуров. Теперь же ты можешь заняться с ним флиртом, чтобы доказать господину маркизу, что ты не умираешь от страсти к нему и вовсе не имеешь отсталых взглядов на священный долг и прочее. Господа мужья нисколько не считают себя связанными, но нам они хотят внушить верность собаки. К счастью, время их тирании давно прошло. Я буду покровительствовать тебе. Вместе с Гюнтером я буду часто навещать тебя, и мы будем делать экскурсии к развалинам, где, говорят, жил некто вроде Синей Бороды. Тень этого злого рыцаря появляется в замке вместе с какой-то «белой дамой», может быть его жертвой.

– А! Белая дама! Какое счастье для Беранже! Ему можно будет ухаживать за прекрасной владелицей замка, иначе он умер бы от скуки среди всех этих руин, начиная с развалин своей свободы, – с горечью заметила маркиза.

Марион громко расхохоталась.

– Это правда. Потеря свободы, даже фиктивная, ужасно действует на бедных мужей. Они делают тысячу глупостей только для того, чтобы доказать себе, что они вовсе не посажены на цепь, как собаки. Это у них какая-то болезнь, общая с этими добрыми четвероногими. Собаки приходят в ярость, когда меняют зубы, а мужчины – когда меняют свое положение. Но я должна сказать тебе еще одну вещь. Не воображай, что твой Беранже вынужден будет ухаживать исключительно за «белой дамой». Недалеко от вас есть что-то вроде минеральных вод, где бывают всевозможные дамы.

– Минеральные воды близ Верделе? Я никогда ничего подобного не слыхала!

– Они существуют всего только два года, – весело сказала Марион. – Своим существованием они обязаны некоему господину Бертрану, который открыл близ городка Верделе источник теплых, кажется железистых, вод. Этот предприимчивый человек тотчас же основал для их эксплуатации компанию, директором которой сделался сам. Он выстроил казино, театр, ванны – и, кажется, дело пошло на лад.

Приход камеристки, явившейся одевать свою госпожу, прервал этот разговор. Немного спустя, Марион Лаверди нежно простилась с подругой, взяв с нее обещание часто писать ей.

Воспользовавшись удобной минутой, маркиз тоже удалился в комнату, временно отведенную ему, так как помещение, назначенное для молодых супругов, могло быть готово не раньше осени.

Не зовя своего лакея, Беранже снял фрак, бросил его на диван, а белый галстук швырнул на пол. Затем, пройдясь несколько раз по комнате, он сел к письменному столу, достал раздушенный листок почтовой бумаги и быстро написал следующие строки:

«Обожаемая Мушка! Все кончено! Сегодня я надел себе петлю на шею! Вместо того, чтобы проводить божественные часы у твоих маленьких ножек, я должен уехать и разыгрывать нежного мужа перед той, которую навязала мне фамильная гордость моего дяди. Но наша разлука будет не продолжительна. Как только устроюсь, я найму тебе небольшое помещение в Верделе, куда съезжаются на воды, и ты приедешь ко мне. Это всего только в двух часах пути от моей виллы, и мой велосипед будет быстро доставлять меня к тебе.

У меня адская мигрень. Я почти не спал, и сегодняшняя противная церемония еще более усилила эту боль. Я весь разбит, но не жалею о своих страданиях, так как они напоминают мне о нашем прощальном вечере. За такие часы можно и помучиться немного! Итак, до скорого свидания, моя обожаемая Мушка! Целую тебя тысячу раз. Твой Беранже де Верделе».

Окончив письмо, маркиз позвонил. В комнату тотчас же вошел юноша с лукавой физиономией, одетый грумом.

– Жак! Это письмо вы сейчас же отнесете на бульвар Гаусманн, а потом отправитесь прямо на вокзал, – приказал маркиз. – Скажите также Жюстину, чтобы через час он пришел помочь мне одеться. Теперь же я хочу немного отдохнуть.

Оставшись один, маркиз закурил сигару и лег на диван. Он был утомлен, но находился в отличнейшем расположении духа, что доказывала очень веселенькая песенка, которую он напевал сквозь зубы. Ему не приходило даже в голову, что он совершил непростительный проступок. Совесть нисколько не мучила его, а разум не говорил ему, что он поступил как негодяй, написав письмо к куртизанке в тот самый день, в которой он добровольно навеки привязал к себе чистую наивную женщину, которой только что клялся перед алтарем в любви и верности.

Но, как мы уже сказали, маркиз не думал ни о чем подобном. Будучи истинным продуктом развращенного общества конца века, этот молодой, красивый и умный человек насквозь был пропитан окружающим его нравственным развратом. Он потерял всякое представление о добре и зле и признавал только один закон – свое удовольствие. Брак должен был так же мало стеснять его, как и все остальное; это он уже давно решил. Поэтому торжественная религиозная церемония была ему просто скучна, а священные слова церковнослужителя он без внимания пропустил мимо ушей. Затем, только что вернувшись из церкви, он тою же рукой, на которой блестело мистическое кольцо, отметил свою первую измену.

Через несколько минут маркиз зевнул и бросил сигару. Он чувствовал сильное утомление после ночной оргии. Если бы можно было хоть ненадолго заснуть – это, по крайней мере, освежило бы его, но он ожидал запоздавшего друга, а потом ему нужно было одеваться и снова приниматься за свою роль новобрачного. О! Как противна вынужденная любезность с этой глупой и романтической девчонкой!.. Маркиз потянулся и зевнул во весь рот. Затем, услышав в соседней комнате чьи-то шаги, быстро переменял положение и с задумчивым и озабоченным видом облокотился на ручку дивана.

В комнату поспешно вошел изящный молодой человек, одних лет с Беранже. Бросив шляпу на стул, он сказал со смехом:

– Черт возьми! Что это за отчаянный вид у тебя? Жена твоя очаровательна; правда, немного воздушна и мечтательна, но это тоже имеет свою прелесть, как перемена после стольких дам таких... телесных и уверенных в себе.

– Что ни говори, а я все-таки надел себе петлю на шею! – вздохнул Беранже.

– Ба! Поздние сожаления!.. В церкви ты имел такой мужественный и даже рассеянный вид, что я не только считал тебя совершенно спокойным, но даже держал пари с Гастоном, что ты думаешь о Мушке.

– И ты проиграл, так как я был занят более важными мыслями. Но кстати о Мушке. Исполнил ты мое поручение?

– Как же! В церковь я явился прямо от нее. Я едва успел вовремя привезти мою жену, которая просто выходила из себя от моего долгого совещания с нотариусом.

Оба громко рассмеялись. Затем Беранже спросил:

– Ну, что же? Как ты нашел мою Мушку?

– В розовом пеньюаре с массой кружев, который, вероятно, недешево тебе стоил. Волосы ее были распущены, и она была в страшном отчаянии. Драгоценности и лакомства сначала немного поддержали ее, но потом ею снова овладело отчаяние. Она доверила мне, что если бы не старое чудовище – твой дядя и не задуманный им брак, ты женился бы на ней. Потом начались рыдания, ручьи слез и целый поток ругательств и проклятий по адресу твоей жены.

Беранже с безумным смехом откинулся на диван.

– Нет, эта милая Мушка ужасно наивна! – сказал он наконец, вытирая глаза. – Я не так глуп, чтобы жениться, когда и так можно отлично любить друг друга. Черт возьми! Сделать Мушку маркизой Верделе! Ха, ха, ха... Но чего не говорят красивой женщине, чтобы успокоить ее ревность! Я обещал ей даже развестись, как только позволят обстоятельства.

– И она верит этому?

– Как в евангелие.

– Ну, это делает мало чести ее проницательности! Твоя Мушка, действительно, очень мила. У нее есть шик, и я понимаю твоё увлечение; но она страшно жадна, и если ты не будешь крепко держать свой кошелек, она проглотит тебя.

– О! Об этом я позабочусь. Но в данную минуту я не могу обойтись без нее и думаю устроить ее где-нибудь поближе к моей вилле Верделе.

Герберт покачал головой и стал крутить усы.

– Это будет очень неосторожно с твоей стороны и может повлечь за собой большие неприятности. Женщины вроде Мушки, видишь ли, очень любят доводить до сведения жен о своих правах на сердце мужа, чтобы вызвать семейный скандал и заставить нас защищать свою независимость. Когда же нам опротивеет наш дом, они, пользуясь этим, только больше вытягивают из нас денег.

– Однако, ты хитер! – сказал Беранже, предлагая сигару.

– Черт возьми! Недаром же я уже шесть лет женат и имею двоих детей. Я достаточно опытен в семейной жизни. Доказательством может служить наша согласная жизнь с женой...

– Несмотря на Женю и на красивую вдовушку, Эмилию Дюбуа, не считая президентши! – насмешливо вставил маркиз.

– Именно несмотря на все это, что и доказывает всю практичность моей методики. Говорю тебе: прежде всего осторожность и семейный мир; все уколы брачной жизни должны быть тщательно скрываемы. Дамам вроде Мушки необходимо энергично внушить, чтобы они не забывали своего места и пользовались бы комфортом и нашими милостями в тени, иначе они делаются нахальными. Всегда нужно иметь в виду, что все эти связи мимолетны и что Мушки так и остаются Мушками, так как они садятся где угодно, как очень остроумно заметил Мопассан. В конце концов, они всегда обманывают нас с соседом, с парикмахером или с кем-нибудь в этом же роде. Нет, нет! Самое важное – это доброе согласие с нашими законными повелителями. А первый год брачной жизни есть, так сказать, базис будущего, так как все молодые девушки, когда выходят замуж, бывают глупы и недоверчивы. Оторванные от своей среды, не имея никаких занятий, они невольно привязываются к мужу. В особенности же, если брак заключен по любви, это самый благоприятный психологический момент, чтобы заставить их страстно полюбить себя и приобрести их абсолютное доверие. Позже излишек чувств сосредоточивается на ребенке, который требует от женщины массу забот. Тогда за мужем уже меньше наблюдают и меньше требуют его присутствия. До рождения первого ребенка я отличался примерной добродетелью и безупречной верностью (понятно только по наружности). Поэтому моя жена верит мне слепо и выцарапает глаза той из подруг, которая вздумает клеветать на меня, конечно, из зависти к нашему супружескому счастью. И все это только потому, что положено солидное основание. Имей в виду: двенадцать медовых месяцев и ни одного облачка! Если твоя Мушка вздумает уж чересчур любить тебя, и это дойдет до твоей жены – все твоё здание рухнет.

Беранже молча выслушал его, покусывая усы.

– Очень возможно, что ты прав, и я сделал глупость, пригласив Мушку в Верделе. Но что делать? Дело уже сделано, а доводить ее до отчаяния будет еще опасней. Во всяком случае, я приму меры, чтобы моя жена ничего не знала о таком близком соседстве соперницы.

– И ты поступишь очень благоразумно! Такое раннее разочарование оставило бы неизгладимые следы и породило бы неукротимое желание отплатить тебе той же монетой, украсить твоё чело рогами и наградить тебя потомками смешанной крови. Однако, мне пора уходить, так как меня ждет жена.

– В таком случае, до свидания! Позволь поблагодарить тебя, Жюль, за твои добрые советы. Надеюсь, ты приедешь к нам на охотничий сезон?

– Непременно! А теперь прощай и позволь пожелать тебе счастья.

Беранже уже закончил свой туалет и занялся укладкой разных безделушек в свой дорожный несессер, когда дверь отворилась и в комнату вошел его дядя.

Барон Эрнест де Верделе был красивый, высокий старик, со строгим и внушительным видом. С племянником он имел большое семейное сходство. Это была та же стройная и сильная фигура, те же характерные черты: слегка орлиный нос, большой рот вивера¹, с крепкими зубами, широкие брови и густые волосы, увенчивавшие высокий и упрямый лоб. У молодого человека эти черты, конечно, были несколько ослаблены и смягчены, но, в общем, оба они представляли по наружности древний род рыцарей, последними отпрысками которого были.

Нам кажется уместным сказать здесь несколько слов о прошлом этого семейства.

Верделе принадлежали к очень древней знати. В XI веке фамилия разделилась на две ветви: одна в Пикардии, другая в Оверни. Богатые и могущественные бароны играли очень большую роль, но в XV веке фамилия их вдруг угасла, и баронетство перешло к кузену Брегану, который принял имя владений.

Карл VIII, после блестящей, но несчастной экспедиции в Италию, даровал титул маркизов владельцам земель Верделе. Новые маркизы принимали участие во всех последующих войнах. Один из них был убит в Павии, другой во время Лиги при осаде Парижа Генрихом IV. Революция застала их еще сильными и богатыми, но народная буря заставила их эмигрировать, как и многих других. Во Францию они вернулись только во время Реставрации.

Людовик XVIII, очень любивший маркиза де Верделе, возвратил ему часть его земель и особняк на улице Лилль, сбереженный от грабежа и продажи, благодаря преданности одного верного слуги.

К великому сожалению маркиза, ему невозможно было вернуть себе родовое гнездо баронов Верделе, так как его приобрел один из баронов Империи.

С этого времени не случилось ничего особенного. Легитимисты Верделе держались в стороне во время Республики и Второй Империи. Однако, вторжение чужеземцев застало их на почетном посту. Оба брата мужественно сражались с врагом. Один был в Лоарской армии, другой – на укреплениях Парижа. Отец нашего героя, маркиз Франсуа Беранже, был убит во время одной из вылазок, оставив после себя вдову и троих детей, двое из которых умерли во время осады. Маркиза, подавленная всеми этими несчастьями, скоро последовала за ними в могилу.

Война и вторжение пруссаков почти совсем разорили маркиза. Его богатый вдовец-брат был бездетен и всей душой отдался воспитанию племянника и восстановлению его состояния. Энергичной рукой он собрал остатки наследства брата. С большим трудом и разными жертвами ему удалось, наконец, составить состояние, которое позволяло Беранже вести образ жизни, приличный его рангу.

Молодой маркиз не избрал для себя никакой специальной карьеры. Сначала он служил волонтером в Африке, потом попробовал свои силы на дипломатическом поприще и, наконец, предпочел всему свою личную свободу. Он вел светскую жизнь, занимался изящным спортом и тайно принимал участие во всех безумствах своих друзей. Дядя считал его вивером, но вивером достаточно честным и порядочным, чтобы сделаться отличным мужем, когда пройдет первый пыл молодости.

Алиса была единственной дочерью покойного друга и товарища по оружию барона виконта де Рувре, который назначил его опекуном своей дочери. Верделе глубоко привязался к девочке, отдал ей все свои заботы и полюбил ее, как отец. Хотя Алиса Рувре имела очень скромное состояние, барон предназначил ее племяннику, ввиду чего никогда не настаивал на браке последнего.

¹ вивер – любитель пожить в свое удовольствие

Барон, с веселым и оживленным видом, подошел к Беранже и, пожав ему руку, с нежностью сказал:

– Я пришел к тебе по небольшому делу, но прежде чем приступить к нему, позволь мне, дорогое дитя мое, еще раз поздравить тебя. Соединив тебя с Алисой, я твердо убежден, что составил твое счастье. Ты не мог даже мечтать о более достойной супруге, а потому не забывай, что, отдавая тебе дочь своего старого друга, я возлагаю на тебя ответственность за ее счастье.

– Как можете вы сомневаться, дядя, в моем горячем желании сделать Алису счастливой! Поверьте мне, я глубоко ценю ее редкие качества ума и сердца. Кроме того, мне надоела беспорядочная жизнь холостяка, я жажду спокойной семейной жизни, – прочувственным тоном ответил Беранже.

– Твои слова очень радуют меня. Оставайся же всегда верен этим добрым чувствам. Тебе уже тридцать два года. Пора остепениться и подумать о честном исполнении обязанностей гражданина и отца семейства. Ты последний из Верделе, и поэтому должен помнить, что громкое имя и большое состояние налагают и большие обязанности. А теперь перейдем к менее серьезным темам. Позволь мне предложить тебе этот бумажник: в нем семьдесят пять тысяч франков. Может быть, эта сумма пригодится тебе, чтобы ликвидировать какие-нибудь обязательства холостой жизни или отпустить любовницу.

– Дядя! Как мне благодарить вас! – пробормотал Беранже, целуя барона. – Вы просто осыпаете меня подарками: такая сумма после такого царского подарка, как имение Верделе.

– Разве ты не мой единственный наследник? Я считаю счастливым предзнаменованием, что смерть старика барона Форестьера позволила мне приобрести древнюю колыбель нашего рода. Вы образуете там новую ветвь, и древний ствол снова расцветет. Кроме того, относительно Верделе у меня есть один план, который я сообщу тебе, когда приеду навестить вас в августе. А теперь пойдем! Вам пора ехать.

Беранже поспешно спрятал бумажник и последовал за дядей. Минуту спустя они присоединились к Алисе, ожидавшей их в гостиной, в обществе пожилой дамы, заведовавшей домом барона.

Молодая женщина была очаровательна в своем простом платье из темно-синего сукна и в большой шляпе, украшенной черными перьями. В руках она держала небольшой сак из красного плюша и большой букет. Все это придавало ей очень торжественный вид. Прощание было непродолжительным.

Десять минут спустя, изящный экипаж уже мчал их к вокзалу и к новой жизни.

Только теперь маркиз взглянул на свою жену, молча забившуюся в угол экипажа и рассеянно смотревшую на улицу. Его сразу поразило холодное, горькое и озабоченное выражение детского лица Алисы. Будучи вивером и человеком без всяких принципов, Беранже, благодаря привычке обманывать женщин, сделался не только превосходным актером, но и глубоким знатоком женского сердца. Целый хаос противоречивых чувств так ясно отразился на лице Алисы, что маркиз невольно спросил себя, не дошли ли до нее какие-нибудь глупые сплетни. Но тщеславие тотчас же шепнуло ему, что если это и так, то ему достаточно будет нескольких ласковых и нежных слов, чтобы все привести в порядок.

В эту минуту Алиса повернула голову. При виде холодного и насмешливого взгляда, устремленного на нее сквозь стекла пенсне, тяжелое и тоскливое чувство сжало ее сердце.

Сомнение в искренности маркиза, в счастье их супружеской жизни, уже раньше закрадось в сердце молодой женщины; в эту же минуту женский инстинкт нашептывал ей, что этот человек, с которым она связана навеки, совершенно к ней равнодушен. Фривольная улыбка, которую она уловила на губах мужа, оскорбила ее, и у нее явилось желание выскочить из экипажа и убежать далеко-далеко от него. Все эти мысли и чувства длились всего несколько минут. Беранже собирался уже нарушить молчание, становившееся тягостным для них обоих, когда экипаж остановился у вокзала.

Супруги вышли. Маркиз отдал лакею несессеры, картонки и другие мелкие вещи. Затем, взяв жену под руку, ой повел ее в купе, еще раньше оставленное за ними. Проходя через зал первого класса, Беранже заметил своего грума Жака, осторожно державшегося близ выходных дверей. Усадив жену в купе, он объявил ей, что ему необходимо сделать некоторые важные распоряжения и тотчас же вышел из вагона.

Сама не отдавая себе отчета почему, Алиса подошла к окну и стала следить за мужем. Несмотря на толпу, сновавшую по платформе, она увидела, как маркиз подошел к груму, схватил какое-то письмо и быстро сунул его в карман пальто, так как в эту минуту раздался последний звонок и ему пришлось чуть не бегом возвращаться в вагон.

Все увеличивая скорость, поезд мчал их из Парижа. Алиса сняла шляпу; затем, взволнованная и усталая, она откинулась на подушки. Беранже решил, что настала удобная минута разбить лед и приступить к своей роли нежного мужа. Сев рядом с молодой женщиной, он обнял ее за талию, привлек к себе и поцеловал в губы.

– Наконец-то, дорогая моя, ты принадлежишь мне навсегда! Наконец-то мы избавились от докучливых гостей и остались одни! – прошептал он дрожащим голосом, невольно любясь бархатистой и прозрачной кожей Алисы, сквозь которую видно было, как циркулирует кровь.

Подвижное лицо молодой женщины отражало самые разнообразные чувства. Вдруг она закрыла лицо руками и разразилась рыданиями. Несмотря на страстный тон, на нежные взгляды и на горячие поцелуи, Алиса инстинктивно чувствовала, что Беранже вовсе не такой, каким должен был бы быть искренно влюбленный человек, что все его ласки и нежности идут не от сердца. Нервное напряжение последних недель и сильное волнение нашли, наконец, выход в потоках слез.

На минуту чувство жалости наполнило сердце Беранже. Неужели этот наивный ребенок чувствует, что он не искренно влюблен в нее? В таком случае нужно как можно скорее убедить ее в противном. Это необходимо для будущего спокойствия их брачной жизни! Поэтому он сделал все возможное, чтобы утешить и успокоить жену. Наконец, ему удалось осушить слезы Алисы и вызвать улыбку на ее розовых губах. Тогда, очень довольный, Беранже дал выпить ей немного вина, бывшего у него в несессере, угостил ее конфетами и дал ей прелестный флакон с английскими солями.

– Дорогая моя! Эти волнения так утомили тебя и расстроили тебе нервы. Ведь вы, женщины, все принимаете так близко к сердцу! Но вот ты, слава Богу, успокоилась. Тебе необходимо отдохнуть и немного заснуть. Погоди! Я сейчас устрою тебе постель на этом диване, а сам лягу напротив, и мы оба заснем, так как я тоже страшно устал.

Несмотря на протесты Алисы, несколько не желавшей спать, Беранже все-таки уложил ее, положил ей под голову свой плед, другим пледом накрыл ее и поцелуем закрыл ей глаза.

– Спи, дорогая моя! Это принесет тебе пользу, – пробормотал он.

Затем он лег на другой диванчик, но так как действительно умирал от усталости, тотчас же крепко заснул. Алиса закрыла глаза, но сильное возбуждение мешало ей заснуть. События дня, торжественность бракосочетания, разговор с Марион и сцена, только что разыгравшаяся между нею и Беранже, смутно носились в ее уме и она тщетно старалась привести свои мысли в порядок. Беранже начал громко храпеть, и этот непривычный для нее шум, вместе с грохотом поезда, стал раздражать молодую женщину. Она открыла глаза, приподнялась на локте и стала смотреть на мужа. Какой он бледный и какой у него истощенный вид! Эти темные круги, под глазами она никогда прежде не замечала, так как они всегда были скрыты стеклами пенсне. Даже выражение его лица показалось ей каким-то иным, чем прежде. Алиса с любопытством стала изучать черты лица мужа, но тот, как бы почувствовав ее взгляд, сделал быстрое движение и повернулся к стенке. Алиса снова легла, но сон бежал ее глаз. Громкий храп маркиза раздражал ей нервы, и мало-помалу ею стало овладевать чувство страшного одиночества. Не так мечтала она провести первые часы своей новой жизни! Слезы снова выступили у нее на

глазах. Не найдя носового платка, чтобы вытереть слезы, она наклонилась и стала искать его между диванами. Вдруг она увидела на ковре розовое письмо и два сложенных листа какой-то бумаги. Очевидно, все это выпало из кармана пальто Беранже, которым он накрыл ноги, так как свой плед уступил ей.

– Ба! Это, кажется, письмо, которое передал ему на вокзале грум? – пробормотала она.

Под влиянием непреодолимого любопытства, она развернула письмо и прочла следующее:

«Благодарю, тысячу раз благодарю тебя, мой дорогой, за твое письмо! Оно подкрепило меня, доказав, что даже во время роковой церемонии ты не забыл своей бедной Мушки. О! Как переживу я нашу разлуку! Я боюсь, что ревность убьет меня, так как я знаю, что ты, будучи настоящим воплощением долга и честности, будешь считать себя обязанным выказывать любовь к этой женщине, которую навязала тебе воля твоего дяди. Эта простушка думает, что имеет на тебя права! Да, она имеет права, но только те, которые дает ей закон. Права же сердца принадлежат мне одной, и конечно, уж не я уступлю их ей! Скорей, скорей к тебе! Только видя тебя, я могу хоть немного успокоиться».

Алиса вспыхнула. Широко открытыми глазами смотрела она на письмо, выпавшее из ее рук. Затем, быстрым и нервным жестом развернула обе другие бумаги. Одна из них оказалась счетом из одного модного ресторана, помеченным вчерашним числом. Меню ужина, шампанское и прочее – все это доказывало, что пир был на славу. Таким образом, бледность и утомление Беранже получали совсем другое освещение. Другая была счетом от ювелира на изумрудный убор, за который было заплачено пятнадцать тысяч франков.

С пылающим лицом и со сверкающим взглядом молодая женщина откинулась на спинку дивана и со смешанным выражением ужаса и презрения смотрела на бледное лицо маркиза, продолжавшего мирно храпеть.

Итак, вот каков человек, с которым она безвозвратно связана на всю жизнь! Вот тот господин, имеющий теперь над ней такие права!

Вдруг ей вспомнился вчерашний вечер. Она провела его одна, отдавшись размышлениям и молитве. Она горячо молила Бога благословить приближающийся торжественный час и никогда не оставлять ее Своей помощью. Она клялась быть всегда честной и преданной женой и безупречно исполнять все обязанности, принимаемые ею на себя. А он эти же самые часы провел в оргии! Прямо из объятий любовницы, грязный телом и душой, он смело подошел к алтарю и произнес ложную клятву. Важная и священная для нее клятва – для него была простой формальностью, и эта бледность, которую она приписывала волнению, вызванному торжественностью минуты, была простым следствием ночи, проведенной в кутеже.

Дрожа всем телом, Алиса закрыла лицо руками. Какое же будущее ждет ее при таких условиях! Глухая буря разыгралась в ее душе. Под влиянием гнева и оскорбленной гордости в ее уме толпились тысячи планов мщения и самые смелые решения разбить только что заключенные узы. Но уже сама сила возбуждения скоро истощила ее, и рассудительная и хорошо дисциплинированная натура молодой женщины взяла верх. Чего можно достигнуть скандалом, разводом? К тому же, очень сомнительно, чтобы маркиз согласился на это. Раз он женился на ней, – значит имел важные причины на это. Если же она не могла избавиться от Беранже, то к чему еще больше отравлять их обоюдное положение? Нет, надо терпеть, посмотреть как все устроится и тогда уже действовать сообразно обстоятельствам.

С легким смехом, полным невыразимого презрения, Алиса наклонилась, подняла письмо Мушки и предательские счета и спрятала их в свой сак.

– Я сохраню вас, драгоценные и неопровержимые свидетели низости честного человека, настоящего олицетворения долга, – с горечью пробормотала она. – Теперь я знаю тебе цену, маркиз де Верделе! Прощай же любовь и все иллюзии! Постараемся же мужественно встретить грубую и тяжелую действительность, которую называют жизнью.

Несмотря на свои благоразумные решения и все усилия хоть немного успокоиться, Алиса никак не могла заснуть, хотя ночь уже давно наступила. Она была слишком возбуждена, и нервы ее были слишком потрясены. Наконец, после долгих и тяжелых часов бессоницы, молодая женщина забылась сном, но этот сон вовсе не был способен подкрепить ее силы. Тяжелые сновидения и кошмары преследовали ее. То она видела себя среди битвы. Со всех сторон раздавались выстрелы, воздух был полон криками сражающихся и стонами раненых и умирающих. Сама же она падала в какую-то черную, бездонную пропасть. Затем сцена изменилась. Она в глухом лесу. Темная ночь. Она растерянно бежит, спасаясь от опасности, в которой не могла отдать себе отчета. Вдруг она очутилась среди полянки, у какой-то лачуги, окруженной вооруженными всадниками. Красноватый свет факелов освещал злое и бледное лицо мужчины, закутанного в черный плащ. Покрывая своим голосом бешеный лай собачьей своры, он пронзительно крикнул: «Зажгите эту нору, чтобы оттуда вышли крысы!» Алиса почувствовала страшную ненависть, и ужасный гнев закипел в ней. Она бросилась под ноги лошади и в ту же минуту почувствовала острую боль. Мужчина со злоеющим лицом наклонился над ней, и тогда она увидела, что он был в средневековом костюме из красного бархата. Глаза его были вылитые глаза Беранже. Блестящие стекла пенсне точно лезвия шпаги с болью пронизывали ее. Алиса громко вскрикнула – и проснулась.

– Боже мой! Что с тобой, дорогая моя? Вероятно, тебе снился какой-нибудь страшный сон? Я даже подумал, что с тобой обморок, так как вот уже больше четверти часа как я употребляю всевозможные усилия и никак не могу разбудить тебя, – сказал маркиз, помогая Алисе подняться.

– Да, меня мучил кошмар, – ответила молодая женщина.

– Какой у тебя утомленный вид! Сейчас я дам тебе выпить вина. Затем мы будем завтракать, так как мы подъезжаем к станции, где большая остановка и прекрасный буфет, – весело сказал Беранже, выказывая самое нежное участие к жене.

Сердце Алисы болезненно сжалось, и она провела рукой по плюшевому саку, где хранились предательские документы. Она знала теперь, насколько была искренна эта притворная нежность.

Тем не менее, необходимость поддерживать разговор, а затем завтрак и, наконец, прибытие на конечную станцию их путешествия – все это, в конце концов, развлекло и немного успокоило молодую женщину. Благодаря ее молодости и жизненной неопытности, к ней даже вернулась отчасти ее прежняя веселость. Улыбаясь, она с любопытством вошла в ожидавшую их изящную коляску. Помня мудрые советы своего друга, Жюля Гериберта, Беранже старался быть любезным и разговорчивым. Он отлично выспался, а это, вместе с чудным днем, благотворно подействовало на него.

Хотя в экипаже нужно было ехать около трех часов, время прошло очень быстро. Прекрасная дорога была чрезвычайно живописна. Маркиз обращал внимание жены на красивые места и называл ей замки и деревни, мимо которых они проезжали.

– Как ты хорошо знаешь эти места! Вероятно, ты часто бывал здесь? – спросила Алиса.

– У меня есть земля в соседнем департаменте. Здесь же я был всего один раз, лет десять тому назад. Я приезжал вместе с дядей, который уже тогда мечтал купить Верделе. Дело это не состоялось. Тем не менее, мы прожили более трех недель у Лаверди, отца депутата, который был другом дяди. Я много охотился, обегал всю округу и, как ты видишь, все отлично помню. Например, эта дорога, сворачивающая налево, ведет в городок Верделе. Его не видно отсюда, так как он скрыт лесом.

Алиса воодушевилась. Свежий воздух действительно действовал на нее, и, к тому же, она любила природу и понимала ее красоты. Вдруг она вскрикнула от восторга и наклонилась вперед. Дорога здесь достигла высшей точки, и перед путниками раскинулся чудный пейзаж. Перед их глазами, подобно зеленеющему саду, расстилалась обширная долина, неболь-

шой ручеек, подобно серебряной ленте, капризно извивался по ней. На другом конце долины почти отвесно поднималась большая вулканическая скала, покрытая богатой растительностью и увенчанная грандиозными руинами. Среди чащи деревьев и кустарников видны были толстые стены и остатки разрушенной ограды. Мрачный и массивный силуэт зубчатой башни, почерневшей от времени, господствовал над всеми развалинами.

На склоне скалы видна была прекрасная вилла, к которой вело шоссе, обсаженное тополями. Темный лес опоясывал горизонт.

– Вот наше новое жилище, дорогая Алиса! Я с удовольствием вижу, что местоположение тебе нравится, – произнес маркиз, с улыбкой указывая жене на виллу.

– Место, действительно, очаровательное. Но как жалко, что древний замок до такой степени разрушен! Прежде он должен был иметь необыкновенно величественный вид, когда, подобно грозной туче, господствовал над долиной. Он разрушен, вероятно, во время революции?

– Нет, его разрушение относится к началу шестнадцатого столетия, когда страшный взрыв превратил гордый замок в жалкие развалины, которые ты видишь. Катастрофа эта случилась во время грозы. Однако, кажется, сам кастелян из мести к своему господину, обольстившему его жену, подложил огонь в пороховой погреб. Затем, разыгравшийся пожар превратил замок в развалины. Дядя лучше меня расскажет тебе все подробности, так как он очень интересуется всеми этими старыми историями.

– С тех пор в Верделе уже никто не жил? – спросила молодая женщина, глаза которой точно приросли к руинам.

– Как же? Наш предок выстроил у подошвы скалы замок, от которого не осталось ни следа. Его сожгли и сравняли с землей в девяносто третьем году. Что же касается виллы, ее выстроил генерал барон Форестьер, когда вышел в отставку. Эта земля была продана ему в качестве национального имущества.

Во время этого разговора коляска въехала в тополевую аллею и скоро остановилась перед виллой.

Пожилая экономка и управляющий почтительно встретили молодых господ. Пожелав им всяческого счастья, они проводили маркиза с женой на большую террасу, где был уже накрыт стол.

Беранже отдал должную честь завтраку, но Алиса была печальна и задумчива и совершенно погрузилась в созерцание развалин. Древняя башня, поросшая мхом и обвитая диким плющем, произвела на нее большое впечатление. Ей казалось, что она уже давно знает ее.

Беранже был очень весел. За десертом он поднял стакан вина и громко вскричал:

– За твоё здоровье, дама Верделе, и за здоровье наших добрых соседей – всех рыцарей и дам древнего замка!

В ту же минуту раздался страшный треск, похожий на взрыв. Затем послышался шум падающих камней.

Алиса страшно побледнела и вскочила со стула. Экономка набожно перекрестилась.

Беранже, сразу умолкший и смутившийся на минуту, первый пришел в себя.

– Ба! – сказал он смеясь. – Право, можно подумать, что господа рыцари отвечают на мой тост.

– Ах! Не смейтесь над этим, господин маркиз! Развалины заколдованы. По ночам, в Башне Дьявола раздаются стоны, – сказала экономка.

– Знаю, знаю, Сузанна! Привидения обязательны для руин древнего замка. Не в обиду вам будет сказано, шум, который мы только что слышали, имеет совершенно земное происхождение: это обрушилась часть старой стены.

– Но почему же она обрушилась именно в ту минуту, когда ты воззвал к древним рыцарям? – заметила Алиса. – Ты до такой степени ни во что не веришь, Беранже, что смеешься положительно надо всем!

– Что делать, мой друг! Девятнадцатый век отличается своим скептицизмом, а я – сын своего века, – насмешливо ответил маркиз.

После завтрака молодые супруги подробно осмотрели виллу, а потом снова вернулись на террасу.

– Пойдем теперь к развалинам! Мне хочется поближе посмотреть их. Особенно меня интересует Башня Дьявола, – сказала Алиса, которую руины замка положительно околдовали.

Маркиз был, видимо, смущен. Посмотрев на часы, он ответил, что, к великому своему сожалению, он не может сопровождать ее, так как ему необходимо сейчас же ехать.

– Видишь ли, мой друг, владелец и основатель минеральных вод близ Верделе – мой друг и товарищ по коллегии. Один его родственник просил меня как можно скорее передать ему письмо и очень важное словесное поручение. Я должен исполнить свое обещание и передать все это Карлу Бертрону. Сейчас я прикажу распаковать мой велосипед. Теперь только три часа; к шести часам, к обеду, я вернусь. Ты же, дорогая моя, займись в это время осмотром развалин. Сузанна может служить тебе проводником. Без сомнения, ей известны все легенды, и она будет гораздо более сведущим чичероне, чем я.

Не дожидаясь ответа, маркиз поцеловал жену и быстро вышел из комнаты.

Алиса побледнела и опустила голову.

В первый же день муж бросил ее одну и бежит к чужим людям. Однако присутствие лакея и экономки помогло ей овладеть собой.

– Благодарю вас! Я не хочу отрывать вас от ваших занятий, – сказала она, отказываясь от услуг экономки. – Я и одна прогуляюсь по развалинам. Только прежде я надену какое-нибудь платье полегче, так как сегодня очень жарко. Пошлите, пожалуйста, ко мне Этьенетту!

Полчаса спустя Алиса, одетая в легкое муслиновое платье, оставила виллу и быстро направилась к вершине холма. Скоро она вышла за решетку, окружавшую сад. Усыпанные песком аллеи и роскошные цветники сменились теперь густым кустарником, толстыми корнями и чащей деревьев, зеленые ветви которых образовывали непроницаемый свод над узкой и едва заметной тропинкой, которая, капризно извиваясь, вела к развалинам.

Широкий ров, некогда окружавший замок, был еще заметен, как и две башенки, охранявшие подъемный мост. Без всякого труда молодая женщина перешла через ров, почти доверху засыпанный землей и сухими листьями, и вошла на почетный двор, вымощенный большими каменными плитами и наполовину заваленный камнями и разными обломками.

Здесь Алиса остановилась и пыталась сориентироваться. Большая часть замка представляла сплошную бесформенную груду силой взрыва наваленных друг на друга строений. Только Башня Дьявола и часть жилого корпуса еще гордо высили свои стены, толщиной в десять футов, которых не смогла поколебать даже сила пороха.

К этой-то части замка и направилась молодая женщина. С легкостью серны она взбиралась на груды обломков, ловко перепрыгивала через глубокие трещины и, придерживаясь за кустарник, в изобилии повсюду росший, добралась, наконец, до башни. Узкая и низкая дверь вела в нее; внутри находилась еще крепкая лестница. Без малейшего колебания Алиса поднялась по ступеням. Любопытным взглядом окинула она высокие, круглые залы, имевшие зловещий вид и освещаемые узкими окнами, и без всяких препятствий достигла вершины башни.

Разгоряченная и усталая, она облокотилась на массивный зубец и восхищенным взглядом окинула чудный пейзаж, расстилавшийся перед ее глазами.

Вдруг она вздрогнула и взгляд ее как бы прирос к шоссе, шедшему от виллы. На нем появился Беранже на своем велосипеде. Он был одет особенно изысканно. На нем были лакированные ботинки кирпичного цвета и широкие панталоны. Легкое пальто было накинуто на

шелковую рубашку, стянутую у пояса широким ремнем. На голове была надета маленькая плоская шапочка.

Лицо маркиза выражало самую беззаботную радость. Очевидно, он совершенно забыл про оставленную молодую женщину, пронизывающий взгляд которой в эту минуту был устремлен на него со смешанным выражением горечи и презрения. Быстро отвернувшись, Алиса торопливо стала спускаться, не думая о грозившей ей опасности, так как крутая и узкая лестница не имела перил. Какое-то жесткое и дурное чувство зашевелилось в ней против этого бессовестного человека, который с такой грубой беззастенчивостью отстранял ее и, очевидно, хотел устроить себе отдельную жизнь со своими любовницами и товарищами его безумств.

Занятая своими мыслями, Алиса шла наудачу и даже не замечала, что все больше и больше углубляется в развалины. Вдруг она вздрогнула и остановилась. За большой грудой камней она заметила дверь, на которой еще висела почерневшая от времени и заржавленная цепь.

Дверь. эта вела в большую залу, относительно, хорошо сохранившуюся, так как только небольшая часть ее была завалена камнями, скрывавшими противоположный выход.

Охваченная каким-то странным и необъяснимым чувством, Алиса переступила порог этой двери. Сердце ее трепетало. Какая-то страшная тяжесть сдавила ее грудь и лишила дыхания. Прислонившись к стене, она стала осматривать залу.

Стены были покрыты копотью, что указывало на то, что здесь сильно свирепствовал огонь. Алисе казалось, что это место было ей знакомо, что она уже видела во сне или в смутном видении эти высокие и узкие окна и этот гигантский камин, украшенный еще сохранившимся гербом Верделе, увенчанным баронской короной. Только тогда двери были закрыты тяжелыми драпировками, а в очаге пылал яркий огонь.

Вдруг молодая женщина почувствовала страшную усталость. Она села на один из обломков и глубоко задумалась. Окружавшее ее разрушение, эти остатки древнего блеска – все говорило о тщете всего человеческого и располагало к меланхолии.

– Ах! Если бы вы говорили, древние стены, какие вещи вы могли бы мне рассказать! – пробормотала молодая женщина. – Какие драмы, никому неизвестные, но, может быть, ужасные, разыгрывались под этими сводами в те времена, когда суровые и дикие сеньоры имели право жизни и смерти над своими несчастными вассалами! Но зато и какие же банкеты и пиры задавались тут!

Возбужденное воображение молодой женщины начало, мало-помалу, населять эту залу, и притом с такой жизненностью, что ей казалось, что она слышит звон шпор рыцарей и шелест тяжелых костюмов дам.

Алиса вздрогнула и провела рукой по лбу. Походили ли все эти Верделе, вызванные ее воображением, на последний отпрыск их расы? Конечно, они были суровы и жестоки, но были ли они такие же ничтожные и такие же клятвопреступники, как ее муж, относящийся к ней с таким оскорбительным равнодушием и изменивший ей у самого подножия алтаря? Какова же будет ее жизнь? Будущее вставало перед ней, как какая-то мрачная и грозная загадка. С тяжелым вздохом Алиса прижалась лбом к холодной стене. В эту минуту она почувствовала тот душевный упадок, который предшествует сильной нравственной борьбе. Человек инстинктивно взвешивает тяжесть, которую ему придется нести, и плоть содрогается перед предстоящим ей испытанием.

Ощущение холода и сырости оторвало маркизу от ее тяжелых дум. Она встала и с неприятным чувством убедилась, что сумерки уже спускаются над развалинами. Поспешно выйдя из залы, она посмотрела на часы. Было уже около восьми часов вечера.

– Боже мой! Как быстро прошло время! Беранже уже около двух часов, как вернулся и, без сомнения, ищет меня, – пробормотала она, спеша домой.

Но Алиса тщетно искала дорогу обратно. Груды обломков, готические арки, решетчатые окна – все это до такой степени было похоже друг на друга при наступающих сумерках, что она никак не могла сориентироваться. Наконец, она вышла на выступ стены колоссальной толщины. Направо от нее высился еще один жилой флигель, достигавший самой вершины скалы. Там же виднелся небольшой балкон с каменной балюстрадой.

– Боже мой! Как я найду дорогу домой? – невольно вскричала Алиса, охваченная страхом и беспокойством.

Можно представить себе ее удивление, когда за ее спиной чей-то звучный голос сказал:

– Позвольте мне, сударыня, быть вашим проводником. Я отлично знаю эти развалины.

Молодая женщина быстро обернулась и с любопытством посмотрела на человека, который, казалось, вынырнул из углубления стены. Это был молодой, красивый мужчина, высокий и стройный, одетый во все черное. Тонкое и правильное лицо его было страшно бледно. Эта бледность еще резче выделялась, благодаря черной бороде и волосам такого же цвета. Его большие, темные глаза, отличавшиеся каким-то странным блеском, были пылливо устремлены на Алису.

– Благодарю вас за любезное предложение, – приветливо сказала маркиза. – Признаюсь вам, вы меня испугали. Вы так неожиданно появились, а здесь все так говорит о прошлом, что я почти подумала, что вижу одного из древних владельцев замка.

Незнакомец усмехнулся.

– Неужели вы, сударыня, боитесь привидений?

– О, нет!

– В таком случае, позвольте мне помочь вам сойти со стены.

Незнакомец предложил Алисе руку, – белую, тонкую руку, украшенную кольцом с большим бриллиантом. Затем с уверенностью, доказывавшей близкое знакомство с развалинами, он вывел маркизу к подъемному мосту. Когда Алиса вышла на тропинку, ведущую прямо к вилле, незнакомец молча поклонился и как тень исчез в чаще деревьев.

– Что за странная личность! Он даже не представился и не дал мне времени поблагодарить его за услугу, – пробормотала Алиса, чуть не бегом направляясь к дому.

К крайнему своему удивлению, она узнала, что Беранже еще не возвращался! Колеблясь между беспокойством и гневом, Алиса села в маленькой гостиной, где уже горел огонь, и попыталась заняться чтением.

В людских тоже царило недовольное волнение. Кухарка клялась всеми богами, что заказать обед к шести часам и не возвращаться домой до девяти положительно бессовестно.

– Индейка с трюфелями, пирожки и все, решительно все будет испорчено! А потом вина будет кухарка! – с гневом повторяла добрая женщина.

Экономка, бродившая по столовой и тщетно смотревшая на дорогу, тоже пришла в кухню.

– И где это пропадает господин маркиз? Барыня тоже сидит скучная и печальная. И что удивительно! Вчера только обвенчались, а сегодня муж бежит где-то целый день. Нет! В мое время так не делалось, – заметила она, качая головой.

– Вот и видно, что вы не бывали в Париже. Там это вещь обыкновенная, – возразила Этьенетта. – Наш маркиз только принимает на себя вид очень честного человека, чтобы угодить дяде, у которого идеи прошлого века и который должен оставить ему наследство. Но втихомолку он ведет очень распушенный образ жизни.

– Но откуда вы все это знаете? – спросила кухарка.

– От грума Жака. Он очень влюблен в меня и рассказывает мне все, что я захочу, – жеманно ответила камеристка. – От него я знаю, что наш маркиз уже несколько месяцев состоит в связи с одной дамой, то есть не с дамой, а с актрисой, и притом даже не с оперной или балетной актрисой. Она, знаете, поет в кафе шансонетки, поднимает ноги выше головы и

танцует полуголая. Жак называет ее бесстыдницей, его маркиз без ума от нее. Накануне свадьбы они вместе устроили неслыханный кутеж. А вчера, вернувшись из церкви, маркиз послал к ней письмо с Жаком, который принес ему и ответ.

Экономка встала, вся бледная.

– Это ужасно! Жениться и потом так бессовестно обманывать жену, – ведь это позор! И как это Жак, который показался мне таким честным юношей, берет на себя такие поручения!

– Боже мой! Что же вы хотите, чтобы он делал? Ведь он служит маркизу и должен ему повиноваться, а кокетка очень хорошо дает ему «на чай». В Париже теперь в моде иметь любовницу и законную жену.

– Разве эта бесстыжая уж так хороша, что маркиз предпочитает ее своей молодой и очаровательной жене?

– Жак уверяет, что она недурна собой. Но здесь главное заключается не в красоте, а в шике. Лажуа д'Арсон обладает дьявольским шиком. Она поет маркизу под аккомпанемент гитары и пляшет перед ним танец живота не хуже любой турчанки на прошлогодней выставке.

Сузанна перекрестилась.

– Боже мой! Что за ужасы? Ваш хваленый Париж – чистый Вавилон, где испытывают терпение Господа. Одного только я не могу понять: зачем же тогда маркиз женился?

Этьенетта пожала плечами.

– Он просто хотел устроиться и обзавестись семейством. Теперь он может быть покоен, так как никто не станет требовать, чтобы он женился. Кроме того, если он пожелает от кого-нибудь улизнуть, его нельзя преследовать, и он спокойно может укрыться в супружеском гнездышке.

Громкий звонок прервал болтовню камеристки. Минуту спустя раздался голос лакея, который крикнул:

– Отпускайте живей суп, Целестина! Маркиз вернулся и желает обедать.

Глава II

Несмотря на то, что он хорошо помнил топографию округа, Беранже трудно было ориентироваться. За десять лет местечко Верделе разрослось в целый город. Маленький заброшенный лесок превратился в красивый сад, а где прежде раскинуты были огороды, там тянулось теперь превосходное шоссе, с обеих сторон обстроенное изящными дачами-виллами. Шоссе это вело к заведению минеральных вод, которое само по себе составляло маленький городок. Здесь появились обширный отель, красивый театр, шикарный ресторан, павильон кружка велосипедистов, клуб любителей гребного спорта и скаковой ипподром с трибунами. Вне парка, по аллеям которого были разбросаны различные строения, был устроен кафе-шантан, названный «Эльдорадо». Он предназначался для посетителей, презиравших скромность. Одним словом, бедный парижанин, вынужденный провести свой медовый месяц в этом уголке провинции, свободно мог найти чем развлечься.

Какой-то услужливый обыватель указал Беранже дорогу, и скоро велосипед маркиза остановился у изящного трехэтажного дома, перед окнами которого был разбит роскошный цветник. В настоящую минуту несколько рабочих трудились над устройством фонтана в центре этого цветника.

Какой-то господин, в нанковом костюме, с соломенной шляпой на голове, заложив руки за спину, наблюдал за работами.

– Здравствуй, Карл! – крикнул маркиз, соскакивая с велосипеда.

Мужчина в нанковом костюме быстро обернулся. Это был еще молодой человек, высокого роста, с широким, красноватым лицом и с маленькими хитрыми и циничными глазами, которые, казалось, насмехались над всяким, на кого были устремлены.

– Верделе! Ты! Вот приятный сюрприз! – вскричал он, подходя к маркизу с распростертыми объятиями.

Мужчины сердечно поцеловались. Затем Бертран продолжал:

– Пойдем, Беранже! Разопьем бутылочку старого вина и потолкуем. Вот уже два года, как я не видал тебя, и мне любопытно, что привело тебя сюда. О своем стальном коне не беспокойся, я прикажу караулить его.

Взяв маркиза под руку, он увел его на большую террасу, уставленную столами и стульями. Публики еще было мало. Друзья сели в стороне и приказали подать себе закуски.

– Теперь говори, какой добрый ветер занес тебя сюда? – спросил Бертран. – Вот уже два года, как мы с тобой не видались. Дела связали меня по рукам и по ногам.

– Говорят, что ты составил себе состояние? Твое предприятие, по слухам, пошло в гору, а твои успехи у дам превосходят даже успех твоего предприятия.

Циничная и самодовольная улыбка осветила широкое лицо Бертрана.

– Да, я не могу жаловаться. Дамы очень благосклонно относятся ко мне. Но оставим это: все это старые истории. Ты не ответил еще на мой вопрос, что привело тебя к нам в Верделе?

Не отвечая на вопрос, маркиз трагическим жестом поднес одну руку к самому носу друга, а другой – указал на блестящее на пальце обручальное кольцо.

– Ах, несчастный! Итак, с тобой все кончено? Ты приехал сюда похоронить свою свободу! – с участием вскричал Бертран. – Но каким образом ты, при своей опытности, попался в западню?

– Но ведь и ты так же попался! Вообще мне хотелось, наконец, устроиться и избавиться от нескромных атак, что тоже имеет свои преимущества.

– На ком же ты женился?

– На воспитаннице и любимице моего дяди, Алисе де Рувре.

– Богатая невеста, конечно! А что, красива она?

– Да, она очень мила и очень наивна.. Состояния же у нее почти никакого нет: всего только сто тысяч франков. Впрочем, это было бы мне на руку. У жены, не принесшей приданого, крылья подрезаны и она находится в полной зависимости от мужа. К несчастью, мой дядя, положительно обожающий эту девочку, укрепил за ней в брачном контракте пятьсот тысяч франков.

– А! Твоя жена, конечно, поселилась на вилле?

– Да. Мы приехали сюда сегодня утром.

– И тотчас же бросил малютку одну? Она, конечно, в отчаянии, так как, по всей вероятности, страшно влюблена в тебя!

– Увы! – сказал Беранже, стараясь скрыть самодовольный вид жестом руки, выражавшим, как все это ему надоело. – Но бросим это: все это неважно. Я, видишь ли, хочу попросить тебя об одной услуге. Помимо моего горячего желания повидаться с тобой, я приехал сегодня с целью попросить тебя помочь мне устроить здесь одну молодую певицу. С минуту Бертран с удивлением смотрел на него, а потом громко расхохотался.

– Ха, ха, ха!.. Однако, ты не теряешь времени и спешишь утешиться. Конечно, я весь к твоим услугам. Но к чему такая таинственность? Рано или поздно, я узнаю имя красавицы, которая придет утешать тебя.

– Конечно, это не секрет: ее зовут Лажуа д'Арсон.

Бертран стал тереть лоб, видимо, стараясь что-то вспомнить.

– Постой! Это не та ли, которой дали прозвище Мушка, Радость Юношей?

– Очень возможно, так как ее зовут Мушкой. Только я не знал об этом прозвище, – ответил, смеясь, Беранже.

– Это та самая, которая была замешана в деле Дабулье. Разве ты не помнишь кассира банкирского дома «Розенблюм и Компания», который украл из кассы триста тысяч франков и был сослан в Каледонию на каторжные работы на десять лет?

– Да, да, это она. В этом деле бедная женщина выказала примерное самоотвержение. Она последовала за своим, любовником в Кайенну.

– Полагаю, что она могла это сделать! Бедный Дабулье делал для нее массу глупостей. Кроме того, хотя и было доказано, что он не мог истратить триста тысяч франков, однако, этой суммы нигде не могли найти. Тогда сильно подозревали Мушку в сообщничестве, тем более, что в то же самое время она была замешана в грязную историю с ожерельем, украденным у ювелира Бертье. Но она сумела ловко оправдаться. О! Это хитрая и ловкая женщина! Берегись, маркиз, как бы она не запутала и тебя.

– Меня запутать? Какие пустяки! Я – не Дабулье и могу спустить только свою собственную кассу. Кроме того, все эти рассказы, мой дорогой Бертран, суцкая клевета, Мушка – идеальная женщина. У нее такое сердце, которое сделало бы честь любой светской даме. Она оставалась верна до конца и вернулась из Кайенны только после смерти Дабулье, который не вынес каторжных работ. Все-таки он принадлежал к хорошему обществу.

– Да, и имел очень дурные привычки. Но не в этом дело! Итак, ты желаешь устроить здесь Мушку Лажуа. А ты не боишься, что твоя жена узнает об этом?

– С этой стороны нет никакой опасности. Я приму свои меры, и жене никто не донесет об этом. К тому же, Алиса слишком глупа, чтобы даже подозревать истину. Бедняжка! Разве может она выдержать сравнение с Мушкой! Та умна, как демон, и обладает очаровательным талантом.

– Насколько я помню, она не обладает большим голосом.

– Это правда. Но какое искусство! Какой огонь! Она, право, способна растопить даже лед.

– Особенно когда ей хорошо заплатят за это.

– Перестань насмехаться, Карл! Повторяю тебе: это женщина с сердцем. А теперь скажи мне, где я могу поместить ее?

– Конечно, здесь же. В левом флигеле есть свободное помещение – три комнаты, с отдельным входом, что очень удобно для тебя.

– Именно! Итак, можно мне осмотреть это помещение?

– Без сомнения. Идем же!

Бертран провел своего друга в небольшой садик, окруженный густой изгородью из лилий и жасмина и выходящий прямо на дорогу. Стекланный балкон вел в хорошенькую гостиную с голубой мебелью. Рядом с гостиной помещалась спальня, обитая розовым кретоном.² Кровать и туалет были во вкусе времен Людовика XV. Маленькая столовая дополняла это помещение.

– Отлично! Это именно то, что мне нужно. Цена тоже подходящая. Позволь мне сейчас же рассчитаться с тобой, – сказал Бертран, вынимая свой бумажник. – Только, – прибавил он, – не можешь ли ты кое-что здесь переменить? Например, вынести это пианино, не внушающее мне никакого доверия, и заменить его концертным пиано, поставить цветы... Жардиньерки³ я куплю сам.

– О, конечно, могу!

– Значит, я могу сейчас же отправить ей телеграмму?

– Пиши! Я сам лично отправлю.

Маркиз вырвал листик из записной книжки и написал следующее:

«Все устроено. Отель Минеральных вод N 15. Обратиться к Карлу Бертрону, директору заведения.

Б.»

– Теперь скажи мне, Карл, есть у вас здесь магазины, где можно купить разные безделушки, которые так любят изящные женщины? Надо доказать Мушке небольшим вниманием, что я думаю о ней. Это успокоит ее ревность.

– Без сомнения, у нас здесь есть всякие магазины. Если хочешь, я буду служить тебе проводником.

Наняли фиакр. Беранже вместе со своим другом объехал несколько магазинов, где купил две изящные жардиньерки, бронзовую вызолоченную вазу для цветов и большой ящик с мылом, духами, туалетной водой и прочим. Он хотел еще купить несколько костюмов, но так как моды Верделе не внушали ему доверия, то он ограничился тем, что купил шесть пар перчаток и дюжину шелковых чулок, уложенных в прелестный футляр, с инкрустацией перламутром.

– Теперь мне остается только купить конфет, чтобы поставить их на ночной столик, так как Мушка любит ночью полакомиться, – сказал усталый маркиз. – Дорогой Карл! – прибавил он. – Не можешь ли ты распорядиться, чтобы все эти вещи были доставлены в N 15. Я же должен спешить к своему велосипеду.

– Да, да! Теперь уже половина девятого. Тебе не так-то легко будет оправдаться перед женой.

– Это пустяки! Я скажу, что велосипед сломался, и она еще пожалеет меня, – смеясь ответил маркиз, направляясь к своему велосипеду.

Бертран посмотрел ему вслед и покачал головой.

– Что же это такое? Обманывает он меня или настолько поглупел, что верит самоотверженности и любви этой куртизанки? Однако, какое бесстыдство удержать свое бывшее имя, получившее такую печальную известность! Впрочем, оно все-таки лучше звучит, чем «Ревекка Итцельзон». Любопытно, чем все это кончится, если дядя узнает истину. Надо будет посмотреть маркизу. Если она не дурна собой, можно будет помочь ей переносить одиночество и разделить с Беранже его супружеское бремя.

² Кретон – хлопчатобумажная ткань полотняного переплетения из предварительно окрашенной пряжи, что позволяло получать цветные геометрические орнаменты в виде полос и клеток.

³ Жардиньерка – корзинка, подставка для комнатных цветов.

Беспокойство и раздражение Алисы достигло своего апогея, когда, наконец, приехал Беранже. Он страшно устал и был покрыт испариной, но находился в отличном расположении духа.

– Прости меня, дорогая моя, что я так долго заставил тебя ждать! – вскричал он, нежно целуя молодую женщину. – Неожиданный неприятный случай задержал меня. Мой велосипед сломался недалеко от Верделе.

И он с мельчайшими подробностями рассказал ей про этот случай, про свои усилия найти механика и как он никак не мог выйти из затруднения без любезной помощи своего друга Бертрана.

Алиса вполне поверила ему. Только в будущем предстояло ей узнать и оценить импровизаторский талант своего мужа. И действительно, надо было дойти до такого артистического искусства лгать, как Беранже, чтобы не сбиться в массе сложных подробностей, когда он сам больше не знал, где начинается ложь и где кончается правда. Чувственный и легкомысленный, он легко изменял женщинам, которых обольщал, будь то куртизанка или чужая жена, обманывая одну для другой и безжалостно бросая любовницу, когда ему улыбалась новая связь. Обмануть Алису было для него детской игрой. Детскую доверчивость молодой женщины он считал крайней наивностью и решил поступать сообразно этому, так как был убежден, что ей никогда не совладать с таким тонким умом, как его.

Весь вечер и все следующее утро маркиз был очарователен. Он окружил жену всевозможным вниманием и любезностью. Чтобы сделать ей удовольствие, он посетил вместе с ней развалины и рассказал ей все, что только мог припомнить из их семейной хроники. По своей наивной простоте, Алиса начала приходить к убеждению, что слишком мрачно смотрит на вещи, что, несмотря на свое легкомыслие, Беранже все-таки любит ее и что все устроится хорошо.

Но она быстро разочаровалась. За час до обеда маркиз объявил ей, что ему необходимо ехать в Верделе поздравить Бертрана, так как сегодня день его рождения.

– Ты извини меня, дорогая Алиса, но, по всей вероятности, мне придется у него обедать. К десяти же часам я вернусь. Прикажи, пожалуйста, приготовить мне ужин.

В действительности же Беранже хотел явиться в клуб велосипедистов, где в этот день было собрание, затем присутствовать на дебюте новой певицы, о которой говорил ему Бертран и, наконец, бросить последний взгляд на квартиру Мушки, которая, по его расчету, должна была приехать на следующий день.

Когда Алиса осталась одна, ею овладело такое чувство одиночества и тоски, точно она была здесь узницей. Она едва притронулась к обеду, и если бы не гордость и не стыд перед слугами, залилась бы горькими слезами. Пожираемая тоской и глухим гневом, она гуляла сначала по саду, а потом решила посетить развалины аббатства, которые находились по другую сторону древнего замка и которых она еще не видала.

– Хоть бы мне встретить своего вчерашнего любезного проводника. Он рассказал бы мне легенды аббатства и замка, – пробормотала она, надевая шляпу и перчатки.

Расспросив про дорогу, маркиза направилась к развалинам аббатства. Вчерашнего незнакомца она нигде не встретила, но движение на свежем воздухе благотворно подействовало на нее и успокоило.

На небольшом холме, поросшем лесом, находились развалины монастыря Бенедиктинцев, основанного в одиннадцатом веке одним из синьоров Верделе, по возвращении его с войны. Древнее жилище почтенных отцов пострадало гораздо больше замка. От жилых корпусов монастыря остались только арки и часть стены рефектории. Лучше других зданий сохранилась монастырская церковь. Хотя и лишенная крыши, она все еще гордо возносила к небу свои древние стены, теперь поросшие мхом и обвитые плющом.

Обломки развалин представляли из себя очень небольшую грудку. Большая часть камней и кирпичей были употреблены окрестными крестьянами на постройку собственных домов, так как они находили этот материал более удобным для перевозки, чем громадные глыбы замка.

Утомленная быстрой ходьбой, Алиса села в ограде церкви, в тени сохранившейся еще арки, и задумчиво осмотрелась кругом. Там должен был быть сад. Сколько поколений монахов молились и размышляли там, работая в саду или прогуливаясь под сводами длинной галереи! Сколько разбитых сердец нашло здесь убежище! А сколько бурных сердец трепетало здесь под черной рясой, на которую осуждала так часто суровая феодальная политика младших членов семьи – лишних наследников фамильного имущества.

Вдруг молодая женщина вздрогнула и быстро встала. В углублении стены, к которой она прислонилась, Алиса заметила полукруглую нишу, в глубине которой виднелась каменная плита с надписью, наполовину закрытой зеленью. Опустившись на колени, она лихорадочно стала вырывать высокую траву и мелкий кустарник, закрывавшие плиту. Скоро перед ней появилось изображение рыцаря, стоявшего на коленях, с молитвенно сложенными руками. Но что особенно возбудило любопытство молодой женщины – это длинная надпись внизу плиты. Алиса тщательно соскоблила перочинным ножичком мох, заполнивший углубления букв, и вытерла камень носовым платком. Однако, несмотря на все свои усилия, она никак не могла разобрать древнюю, слегка изгладившуюся надпись.

– Если вы позволите, сударыня, я прочту вам так интересующую вас древнюю надпись.

Звучный голос, произнесший эти слова, показался Алисе знакомым. Она быстро обернулась и увидела перед собой вчерашнего незнакомца, который вежливо с ней раскланивался.

– Я буду очень признательна вам за это. Право, Провидение всегда так кстати приводит вас, чтобы вывести меня из затруднения, – весело ответила молодая женщина.

– Вы правы, сударыня! Случая не существует, но Провидение часто устраивает странные встречи, – сказал незнакомец торжественным тоном, крайне удивившим Алису.

Затем, не дожидаясь ответа, он наклонился и бегло прочел:

«Здесь покоится благородный синьор Жиль де Савари, несчастно погибший 2 июля 14.. года. Кто бы ты ни был, прохожий, помолись за жертву и за убийцу. Да дарует наш Господь Иисус Христос одному – блаженный покой в раю, другого же да избавит, по Своему бесконечному милосердию, от вечного осуждения!»

Охваченная грустью и волнением, причину которых она сама себе не могла объяснить, Алиса перекрестилась.

– Одному Богу известно, какая ужасная и кровавая драма разыгралась здесь в далекие времена господства грубой силы и насилия, – со вздохом сказала она.

На лице незнакомца появилось какое-то непередаваемое выражение, и глаза его сделались неподвижными и точно приросли к молодой женщине, что заставило ее невольно вздрогнуть.

– Да, дама де Верделе! Страшные и кровавые драмы некогда разыгрывались здесь. Жиль де Савари, невинная жертва бесчестной клеветы и скотской ревности, – не единственный убитый человек, покоящийся под сводами этого аббатства, и вы...

Незнакомец умолк и, тяжело дыша, провел рукой по лбу.

Все это произвело на Алису такое неприятное впечатление, что оно заглушило на минуту мучившее ее любопытство. Желая перевести разговор на другие предметы, она почти невольно спросила:

– Вы меня знаете?

– Я имею честь говорить с маркизой де Верделе, – сказал незнакомец после минутного молчания. – Позвольте мне, маркиза, исправить мою непростительную ошибку и представиться вам. Я – Луи Ренуар, землевладелец и ваш сосед.

К Алисе тотчас же вернулось ее спокойствие и она даже внутренне посмеялась над сверхъестественным страхом, который внушил ей этот человек.

Разговор перешел на аббатство, и они вместе осмотрели развалины церкви. Затем Алиса объявила, что ей пора идти домой, так как отсюда до виллы довольно далеко.

– Здесь есть более прямая дорога – именно та, которая некогда вела отсюда в замок. Если позволите, я вам укажу ее, маркиза.

– Благодарю вас! Вы очень обяжете меня этим. Я часто буду приходить сюда. Не могу вам сказать, как влекут меня к себе эти развалины далекого прошлого.

Ренуар улыбнулся своей загадочной улыбкой.

– Может быть, это влечение есть не что иное, как смутное воспоминание. Кто из нас знает, какие узы связывают нас с прошлым и почему то, а не другое место вызывает в нашей душе необъяснимые чувства?

Не ожидая ответа, он двинулся вперед, пересекая наискось поле, поросшее кустарником. Скоро маркиза с удивлением убедилась, что здесь, действительно, существовала мощеная дорога, густо заросшая теперь травой и кустарником. По мере того, как поднимались по крутому склону холма, она становилась все явственней.

Алисой снова овладело непобедимое любопытство. Очевидно, Ренуар отлично знал все эти места. Она с улыбкой высказала ему это и прибавила:

– Вам, кажется, знакомы все здешние легенды. Не скажете ли вы мне, почему эту древнюю башню называют Башней Дьявола?

– Она вполне заслужила это название. Эти древние стены видели много темных дел, внутренних демоном своему достойному ученику, – ответил Ренуар, устремив полный ненависти взгляд на развалины.

Заметив испуганный и растерянный вид Алисы, он прибавил:

– Без сомнения, маркиза, вы слышали о Жилле де Ретц, ужасном синьоре де Тифоже. Итак, здесь жил некий барон де Верделе. Он совершил те же самые преступления, но не понес здесь, на земле, законного возмездия. Но это все равно! Высшее правосудие, гораздо более суровое, чем людское, приковало душу преступника к месту его преступлений. Здесь бродит он, вместе со своим сообщником-алхимиком, вокруг зарытых им сокровищ и стережет их, встречаясь со своими жертвами. Тех тоже влечет к себе место их страданий. Они носят здесь, вдыхая ароматы прошлого, полные слез и крови, и, пылая мстостью, жадно подстерегают минуту, чтобы погубить своего палача.

– Господь сказал: мне отомщение! – заметила маркиза.

Так как в эту минуту они подошли к развалинам, ею снова овладел сверхъестественный страх. Молодой женщине казалось, что вот-вот из какого-нибудь темного угла появится или колдун-барон, или зловещее лицо алхимика, или окровавленная тень какой-нибудь жертвы.

– Но Господь позволяет быть своим орудием, – с мрачным видом ответил Ренуар. Затем, переменяя разговор, он прибавил:

– Взгляните, маркиза! За этой грудой обломков есть вход в коридор, пробитый в стене. Он отлично сохранился и освещается бойницами, хотя они почти совсем заросли кустами. Видите вы этот широкий коридор? Ступайте по нему смело и вы выйдете в башню близ подъемного моста. Затем, перейдя ров, вы за несколько минут будете дома.

Не ожидая ответа, он низко поклонился и исчез за выступом стены.

– Какой, однако, странный этот Ренуар! Право, иногда он кажется сумасшедшим, – пробормотала молодая женщина, нерешительно останавливаясь у входа в узкий и мрачный коридор.

Но Алиса была гордая и мужественная женщина. Она тотчас же подавила в себе чувство боязни.

– Ба! Я всегда могу вернуться назад, – пробормотала она, смело входя под каменные своды.

С нею ничего не случилось. Как и говорил ее странный проводник, она без всяких препятствий вышла в башенку, а оттуда на хорошо знакомую тропинку, ведущую к вилле.

Взволнованная и занятая мыслями о встрече с незнакомцем и о слышанной от него трагической легенде, молодая женщина прошла в свою спальню, чтобы переменить легкое муслиновое платье, немного пострадавшее от камней и древесных корней. Она подошла к туалетному столику и хотела уже позвонить Этьенетте, когда вдруг заметила портсигар маркиза, его носовой платок и смятую пачку каких-то бумаг. Очевидно, торопясь ехать, маркиз забыл здесь все эти вещи.

– Ба! Не окажутся ли эти листочки новыми неопровержимыми доказательствами верности моего мужа? – насмешливо прошептала молодая женщина, развертывая и расправляя смятые бумаги.

Она не ошиблась. Оказалось, что это были счета на покупку жардиньерок, цветов, духов, сластей и прочее; к ним была приложена расписка Бертрана в получении денег за квартиру N 15. Яркая краска залила лицо Алисы. В ее будуаре не было ни одного цветка, и он никогда даже не подумал привезти ей бонбоньерку. Невыразимо горькое чувство, почти чувство ненависти, наполнило душу молодой женщины. Очевидно, маркиз уже нашел себе здесь новую любовницу. Или может быть, он устраивает здесь с таким шумом свою прежнюю обожаемую Мушку? Но в таком случае, зачем же он женился, если любовь не руководила его выбором?

Дрожащей рукой Алиса снова сложила предательские бумаги и сунула их в карман. Она даже забыла про свое желание переодеться, и опустив голову, вышла в будуар, куда приказала принести чемодан, который хотела сама разобрать. Она спрятала бумаги и задумалась. Но к ее крайнему удивлению, думы ее были прерваны прибытием Беранже, хотя было еще только половина девятого.

Маркиз был в отвратительном расположении духа. Он объявил, что у него адская мигрень и что он сейчас же ляжет спать, и просил только разбудить себя в десять часов, к чаю и ужину.

Маркиз прошел в будуар. Когда, несколько минут спустя, Алиса вошла в спальню, она увидела, что муж ее с озабоченным и недовольным видом что-то ищет на ковре. Вчерашний костюм его был брошен на стул. Вывернутые карманы его доказывали, что он также подвергся тщательному исследованию.

– Что ты ищешь? – бесстрастным тоном спросила Алиса.

Маркиз быстро выпрямился и подозрительно посмотрел на бледное лицо жены.

– Я ищу счета и расписки из магазинов. У Гериберта здесь в окрестностях живет родственница. Он поручил мне купить для нее разные безделушки, перчатки, чулки, духи и нанять ей помещение в отеле минеральных вод, так как она больна. Мне нужно отослать ему эти счета, на весьма солидную сумму, чтобы он со следующей почтой вернул мне эти деньги. Я же положительно не знаю, куда их девал.

Эту бесстыдную ложь он высказал, не моргнув глазом, на тот случай, если проклятые бумаги попали в руки жены. Все это было сказано с таким апломбом, что на минуту Алиса почти поколебалась. Но нет! Разве она не нашла письмо куртизанки и другие счета, которые ясно доказывали, что маркиз любит одаривать своих подруг? Она холодно отвернулась и вышла из комнаты.

С мрачным и задумчивым видом она стала разбирать чемодан, вынимая оттуда мелкие, любимые ею вещи и разные сувениры, которых она не доверяла рукам служанок. Среди этих вещей находилась также большая и толстая тетрадь в лиловом бархатном переплете, на котором золотыми буквами было вытеснено: «Мой дневник».

Эту тетрадь подарил опекун, когда ей исполнилось четырнадцать лет. Он посоветовал заносить туда все события ее жизни.

– В вихре событий все так скоро забывается, что очень полезно отмечать то, что на нас произвело впечатление. Пройдут года, и будет очень любопытно и поучительно снова пережить наше прошлое и проследить путь, по которому развивалась и зрела наша душа, – сказал тогда барон. Но Алиса решила начать вести записи только с того дня, когда она выйдет из монастыря. Теперь она открыла тетрадь и перечла свои впечатления светской жизни и свои мечты в качестве невесты.

Горькая улыбка скользнула по губам молодой женщины.

– Недавно я вступила на очень важный путь и тщательно отмечу все перипетии моей супружеской жизни. Если уже два дня так богаты сюрпризами, то что же будет за целый год? На этих страницах я найду во всем блеске полный образ человека, женой которого я сделалась.

Прежде всего она перенумеровала все предательские документы и вложила их в тетрадь; затем она начала писать. Это занятие до такой степени поглотило ее, что пробило полночь, когда она положила, наконец, перо и замкнула тетрадь в свой письменный стол.

– Когда приедет Марион, я прочту ей часть этих мемуаров. Она довольно опытна и уже четыре года, как замужем. Может быть, она посоветует мне, как держать себя, – пробормотала Алиса, вставая.

У входа в будуар она встретила Беранже, который только что встал.

– Дорогая моя! Ведь я просил тебя разбудить меня в десять часов, – с упреком сказал он. – Теперь же больше двенадцати часов. Вся ночь теперь испорчена.

– Я была занята разборкой вещей и совершенно позабыла про твою просьбу. Но чай и ужин готовы, – равнодушно ответила молодая женщина, направляясь в столовую. Ужин прошел в полном молчании. Несколько раз маркиз искал взгляд жены, но блеск ясных и холодных глаз ее производил на него неприятное впечатление. Наконец, он взял журнал и стал перелистывать его, прихлебывая чай из маленькой чашки.

Облокотившись на стол, Алиса смотрела на мужа, припоминая, какими добродетелями, подобно всем молодым девушкам, наделяла она избранника своего сердца. И вдруг все мечты были разбиты и, притом, не мало-помалу, в течение долгой совместной жизни, а сразу, безжалостно, этим самым мужем, который цинично раскрыл перед пораженным взором молодой женщины всю свою нравственную несостоятельность, всю грубость своей чувственной натуры. Без стеснения он показал ей, что искал не женщину, а самку. И вот он променял ее, существо цельное и невинное, на какую-то кабацкую завсегдательницу, которая, подобно фальшивой монете, переходит из рук в руки и которая только марает свой пол. Он поддерживает ее и прижимает к своему сердцу. Чего же стоит его сердце, если оно разогревается только в присутствии этого отвратительного создания?

Что-то такое сжималось в молодой женщине и слезы подступали к горлу, но она мужественно подавила их. Так как в эту минуту пробило час, Алиса встала и извинилась перед Беранже, что оставляет его одного. Она готовилась уже выйти из комнаты, когда послышалось отдаленное пение. Алиса быстро подошла к окну и отворила его. Теперь ясно слышен был звучный и гармоничный голос, певший старую французскую песню под аккомпанемент лютни или арфы. В глубокой ночной тишине ясно была слышна каждая модуляция нежной и меланхолической мелодии.

Алиса слушала, словно очарованная. Эта старая ария, простая и печальная, так гармонировала с ее душевным состоянием, что долго сдерживаемые слезы брызнули из ее глаз. Она невольно высунулась наружу, стараясь разглядеть в ночном мраке таинственного трубадура.

– Что за животное рычит здесь среди ночи! – недовольным тоном вскричал маркиз. – Если он будет реветь так всякую ночь – право можно повеситься.

Послушав с минуту, он прибавил:

– Голос недурен. Если бы он пел что-нибудь веселое – это еще ничего, но эти старые, погребальные арии просто невыносимы. Как, дорогая моя, ты плачешь? Эта заунывная песня

расстраивает тебе нервы? Надо разыскать этого трубадура и помешать повторению серенады. Голос, кажется, доносится из развалин.

– Нет, нет, Беранже! Если моя просьба что-нибудь значит для тебя, то я прошу не мешать певцу, кто бы он ни был! Эта песня, к тому же, мне очень нравится. Поэтому, прошу тебя, оставь певца в покое.

Глава III

Следующее утро маркиз посвятил осмотру своих новых владений. Домой он вернулся в отличнейшем расположении духа и позавтракал с большим аппетитом. Остальное время до той минуты, когда ему нужно будет ехать встречать Мушку, он решил посвятить жене, но Алиса оставалась холодна и малообщительна. Беранже, обиженный тем, что его любезности так плохо ценятся, решил ехать немедленно же.

Итак, он вскочил на велосипед и отправился прямо к Бертрону, которого застал озабоченным и в отвратительном расположении духа. На вопросы маркиза о причинах его раздражения он отвечал сначала уклончиво. Когда же бутылка старого вина немного развеселила его, достойный Карл поведал своему другу, что источник его благосостояния – старая дура, владеющая большим мыловаренным заводом и другими недвижимостями. Эта старуха безумно влюбилась в него и готова отдать ему все, чтобы только сохранить его любовь.

– Все это было бы ничего, если бы эта старая ведьма не была ревнива, как тигр. Она ревнует меня даже к жене и устраивает мне тысячу неприятностей. Теперь ты сам понимаешь, как тяжела для меня любовь этой почтенной старушки.

– В таком случае, отчего ты не прогонишь ее к черту, раз твое благосостояние обеспечено?

– Пока я не могу этого сделать. Она должна еще передать мне в полную собственность виллу, которой владеет здесь. Может быть, ты заметил белый домик в итальянском стиле, по левую сторону дороги?

– Чудная вилла.

– Ну вот, когда я буду владеть ею, можно будет бросить старуху. А пока дело вот в чем: она только что вернулась из Парижа, где у нее большой процесс, и конечно, пожелает видеть меня сегодня. Вот это-то и портит мне расположение духа!

– Любишь с горочки кататься – люби и саночки возить, – со смехом ответил Беранже.

Чтобы развлечься немного, оба друга сделали прогулку. Затем Бертран увел Беранже к себе и представил его жене.

Кларисса Бертран была худенькая, довольно красивая блондинка. Только страшная и болезненная бледность несколько портила ее наружность. Она была в изящном светлом платье, с живым цветком в волосах. Красивого и аристократического друга мужа она приняла с особой изысканностью. Завязался оживленный разговор. Кларисса тотчас же стала флиртовать с Беранже, нисколько не стесняясь присутствия мужа, который, впрочем, казался очень озабоченным и нисколько не ревновал ее.

Когда после обеда все перешли на террасу пить кофе, Бертрону подали письмо. Он небрежно прочел его и сунул в карман. Затем, пользуясь минутой, когда Кларисса вышла из комнаты, он шепнул Беранже:

– Это письмо от почтенной старушки. Я должен сейчас же ехать к ней. Ты же, будь так добр, оставайся и займи Клариссу, чтобы она не шпионила за мной. У тебя хватит на это времени, так как теперь только шесть часов, а Мушка приедет только в восемь.

Маркиз, понимавший теперь всю тяжесть супружеского ига, изобразил знак согласия. Однако, лично он предпочел бы, чтобы его жена оставалась одна, и никогда не оставил бы ей утешителя.

По отъезде Бертрана, сославшегося на очень важное дело, Кларисса приняла угнетенный вид и сделалась нервной и видимо раздраженной. Чтобы отвлечь ее от грустных дум, маркиз пустил в ход самую изысканную любезность, и в конце концов предложил ей сделать небольшую прогулку. Внутренне его все это очень забавляло, так как он слышал, что Кларисса была далеко не Корнелией и что за всякую неверность своего Карла она платила ему той же монетой.

Прогулка затянулась. Несмотря на принимаемый ею печальный вид, Кларисса была очень оживлена и чувствовала приятное влечение к настоящему маркизу. Хотя муж ее происходил из хорошего семейства и был сыном депутата, тем не менее, он носил буржуазную фамилию. Обожатели же, вводившие в грех госпожу Бертран, которая, несмотря на свою кажущуюся слабость, обладала чисто андалузским темпераментом, все принадлежали к театральному миру.

И вот, теперь настоящий аристократ и, притом, красивый молодой человек относился к ней с нескрываемым интересом.

С трогательной доверчивостью она стала говорить ему о неприятностях легкомыслия Карла, который изменяет ей и бросает ее одну, и о том, как она мучается и медленно угасает в этом душевном одиночестве. Они подошли к роще. Здесь, у источника, была поросшая мхом скамейка, которая так и манила к отдыху. Так как молодая женщина казалась уставшей, Беранже предложил ей сесть и отдохнуть. По мере того как оживление вызывало румянец на ее щеки и делало ее почти соблазнительной, участие к ней Беранже все возрастало. Кларисса оперлась головой о ствол дерева, и две слезинки скатались по ее щекам. Подняв глаза на своего спутника, она прошептала с видом голубки:

– О! Если бы вы знали, как я несчастна!

Маркиз с участием смотрел на нее. Он любил блондинок, но по какому-то жестокому случаю его жена была брюнетка. Не заметил он этого раньше или просто припас себе оправдание перед Богом в том, что должен искать на стороне утешения от ошибки судьбы, так как жена была не в его вкусе.

Он схватил обе руки госпожи Бертран и, нежно прижав их к своим губам, пробормотал:

– Бедная, очаровательная женщина! Если бы вы только позволили утешить себя!..

Кларисса, по-видимому, хотела сопротивляться, но она так слабо попыталась освободить свои руки, что Беранже, приобретший адское искусство облегчать своим жертвам их колебания, смело обвил рукой ее талию. Молодая женщина положила голову на его плечо и прошептала:

– Да, позволяю!

Фраза эта очень удалась Клариссе. В эту минуту она действительно была красива и грациозна. Неизвестно, насколько увлекся маркиз на самом деле, но он страстно поцеловал Клариссу, совершенно позабыв, что ему нужно встретить Мушку, в которую он безумно влюблен.

Вдруг он вспомнил об этом обстоятельстве, что значительно охладило его пыл.

Маркиз посмотрел на часы. Было без двадцати минут восемь. Он едва мог поспеть вовремя приехать на вокзал.

– Ах, сударыня! Я просто в отчаянии! Мне необходимо вернуться домой, так как моя жена уже более двух часов ждет меня обедать. Увы! Я не свободен, как ни желал бы этого.

Кларисса со смущением посмотрела на него.

– Я понимаю: маркиза будет недовольна. Но... когда же мы увидимся?

– Когда вам будет угодно! От вас, сударыня, зависит назначить час и место, – любезно ответил Беранже, предлагая ей руку.

Как только они дошли до сада, маркиз тотчас простился с Клариссой. Затем, вскочив на первого попавшегося извозчика, он помчался на вокзал, куда прибыл одновременно с поездом.

Здесь он скоро увидел Мушку. В кокетливом дорожном костюме, с небольшим букетом роз в руках, она шла к нему.

В виду многочисленной публики, они церемонно раскланялись. Затем Мушка небрежно сказала:

– Дорогой мой! Позаботься, пожалуйста, о моем багаже.

Пока маркиз отдавал необходимые приказания посыльному, Мушка вышла на подъезд, разговаривая с порядочной молодой женщиной, которая, казалось, ее сопровождала. Когда к

ним подошел Беранже, Мушка отвела его немного в сторону и сказала, указывая глазами на свою спутницу:

– Послушай, дорогой мой, я приехала не одна, а с подругой. Потом я расскажу тебе ее грустную историю. Теперь же ты помоги мне как-нибудь ее устроить.

– С удовольствием! Представь меня ей, а потом садитесь в карету. Я еду за вами следом.

Казимира была высокая брюнетка, с роскошными формами. Несмотря на свою грустную историю, о которой говорила Лажуа д'Арсон, она казалась очень веселой. Когда приехали в отель, маркиз нанял комнату для подружки своей любовницы. Затем, он провел Мушку в приготовленную для нее квартиру.

– Здесь, мое божество, то мирное убежище, где я буду наслаждаться счастьем и забывать скуку своей жизни, – любезно сказал он.

Мушка похлопала его по щеке.

– Приходи, приходи почаще, друг мой! Я вижу, что ты в несколько дней очень похудел. Ясно, что брак не принес тебе счастья. Твоя милая маркиза, должно быть, очень глупа. Вообще, эти барышни-институтки очень скучны: с ними нужно говорить как с пансионерками. Они не понимают любовь и страсть, как мы их понимаем!

Вдруг глаза Мушки точно приросли к Беранже, и в них вспыхнул злоеший огонек. Губы ее сжались, а голос зазвучал глухо, когда она спросила:

– А чьи это волосы пристали к твоему плечу? Чья головка покоилась на нем?

Кончиками пальцев она схватила и подняла на воздух несколько белокурых волос, приставших к его одежде.

«Черт возьми! Я позабыл приказать себя почистить,» – подумал маркиз.

Затем, он громко ответил с тем апломбом и присутствием духа, которые никогда не покидали его в подобных обстоятельствах:

– Это волосы моей жены. Что ты хочешь? Иногда приходится разыгрывать нежного мужа, так как иначе жена осрамит меня перед дядей и перед моими многочисленными друзьями.

Куртизанка подозрительно устремила в глаза маркиза свой злой и насмешливый взгляд.

– Разве твоя жена блондинка? Я думала, что она брюнетка, – заметила она.

– Нет, нет, она блондинка! А тебе нужно краснеть, дорогая моя, за твою ревность и подозрительность, – сказал маркиз, обвивая рукой стройную талию Мушки.

Но та освободилась и стала осматривать помещение.

– Здесь очень мило! Правда, немного тесновато, но это ничего. Ведь я так нетребовательна!

Затем она села в кресло, откинулась на спинку и закрыла глаза, приняв страдальческий вид.

– Ты нездорова, дорогая моя? А я-то рассчитывал весело поужинать с тобой и представить тебе моего друга Карла Бертрана, владельца этих вод.

– У меня ужасная мигрень, и я, право, боюсь, что не буду в состоянии провести с вами весь вечер. Меня так рассердили перед отъездом.

– Рассердили? Чем?

– Да счетом, который осмелилась мне подать портниха. Это настоящая разбойница! Ведь, ты знаешь, как я экономна, а потому я сделалась больна от гнева и волнения. Но я все высказала этой негодяйке и откажу ей, как только будет уплачено.

Беранже был охвачен дурным предчувствием, так как имел уже случай убедиться в экономности своей дорогой Мушки. Однако боязнь лишиться приятного ужина заглушила это чувство.

– Где же этот счет, так вредно подействовавший на твое здоровье? – спросил он.

Чувство удовлетворения вспыхнуло в глазах куртизанки, полузакрытых веками. Лицо ее прояснилось, и она быстро достала из сака лист бумаги. Затем она обняла маркиза и ловко сунула счет «разбойницы» в карман его жакета.

– Не правда ли, ты завтра уплатишь по этому счету, мой дорогой Беранже? Я не знаю, где здесь почта. Вот тебе за это! – она звучно поцеловала любовника. – Теперь я чувствую себя лучше и сейчас же займусь своим туалетом. Пойдем! Я спою тебе новую песенку. Но прежде всего я должна сказать несколько слов про бедную Казимиру.

Затем они прошли в спальню. Здесь, разбирая бесчисленные сундуки и картонки, привезенные с собой, Мушка рассказала, что бедная Казимира сначала роскошно жила в Варшаве, но старый банкир, содержавший ее, скоропостижно умер от разрыва сердца. Это несчастье случилось всего за несколько дней до того, как старик хотел положить в государственный банк кругленькую сумму, которая обеспечила бы его любовницу на всю жизнь.

– Каналья жена его скрыла бумажник, где хранилось состояние моей подруги, хотя на нем и стояло ее имя. Очутясь в безвыходном положении, она приехала ко мне в Париж. Я же привезла ее сюда, – продолжала Мушка, причесываясь перед зеркалом, – в надежде, что ты поможешь найти ей другого покровителя.

– С удовольствием, если только смогу. Прежде всего, мы пригласим ее поужинать с нами и познакомим ее с Бертраном. Если тот возьмется пустить ее в ход, то дело в шляпе.

Покончив с этим делом, Мушка, продолжая одеваться, спела своему любовнику обещанную песенку, придавая пикантным словам особенно циничный характер, что восхищало Беранже. Он упивался окружающим ее ароматом порока, который был необходим ему, как морфин, для возбуждения притуплённых чувств.

Наконец, Мушка была готова и они отправились к Казимире, которая тоже поправила свой туалет. После небольшой прогулки в саду, маркиз привел обеих дам в кабинет, где был сервирован ужин. Затем он ушел, чтобы купить букеты и заказать ландо, так как Мушка изъявила желание прокатиться при свете луны.

Во время прогулки Беранже внимательно рассматривал Казимиру и убедился, что несмотря на то, что эта женщина немного увяла, она все-таки была еще довольно сносна и не лишена шика. Конечно, она была далеко не так хороша, как белокурая Мушка со своей кошачьей грацией. Однако, хотя Казимира и не выдерживала сравнения с Мушкой, но все же, была достаточно хороша, чтобы постараться ее пристроить.

Беранже шел обратно в кабинет, когда чуть не столкнулся в большой зале с Бертраном, который имел страшно разгоряченный вид.

– Откуда это ты мчишься в таком виде? – спросил маркиз.

– Прямо из пещеры льва! Я только что вырвался от своей старушки. А ты куда идешь с двумя такими букетами? Один, вероятно, для Мушки, а другой для жены?

– Я не так глуп, чтобы покупать букеты для жены, – ответил смеясь маркиз. – Этот букет из роз и орхидей предназначается для Казимиры, подруги моей Мушки. Я пригласил ее с нами поужинать, чтобы ты мог познакомиться с ней. Она, бедная, потеряла своего покровителя. Надо будет подыскать ей здесь нового друга.

– Все это очень хорошо, но прежде надо посмотреть, стоит ли она чего-нибудь?

– Однако, нельзя же ей дать околеть с голода?

– Зачем околевать с голода? Ей стоит только начать мести улицы. Это классический заработок «этих дам», когда время их прошло. Неужели ты полагаешь, что твоя Мушка, когда состарится, не будет мести улицы и подбирать окурки сигар? Или, может быть, ты назначишь ей пенсию?

– Ха, ха, ха! Конечно, нет. Я вовсе не любитель древностей. Однако, до апофеоза, который ты предсказываешь Мушке, еще далеко. А теперь пойдем! Посмотри сам на Казимиру.

В это время дамы тоже были заняты беседой.

– Поздравляю тебя, Ревекка. Твой маркиз действительно очень хорош собой. Так же ли он хорош и в отношении денег? – спросила Казимира.

– Довольно сносно. Только надо уметь выбрать минуту, чтобы заставить его раскошиться, – ответила, смеясь, Ревекка-Мушка.

– А какой у него характер?

– Капризный, тщеславный и самоуверенный. Одним словом, – это настоящий аристократ. При этом он ревнив, как Отелло.

– Где ты подцепила этого маркиза? – спросила Казимира, сильно завидовавшая счастьем подруги.

– Я встретила его у одного друга, который ухаживал за мной. Он мне понравился. Так как в то время я еще нигде прочно не устроилась, то я и завладела им, хотя мне нелегко было спихнуть толстую, белокурую голландку. Если бы ты, Хайка, была блондинка, я ни за что не привезла бы тебя сюда, так как он обожает блондинок. Представь себе, сегодня я нашла на его жакете белокурые волосы! Он уверяет, что это волосы жены, но он бесстыдно лжет, так как я знаю, что она брюнетка. Я видела ее. Но каково животное! Не прошло и двух дней, как он наставил мне рога!.. Но погоди!.. Дай мне только поймать тебя на месте преступления!..

– Что же? Ты отомстила бы ему? – насмешливо спросила Казимира. – Кстати, скажи, ты совсем рассталась с Нарциссом, о котором так много писала мне? Да оно, впрочем, и понятно; бедный гимнаст не может, конечно, соперничать с чистокровным маркизом!

Глаза у Мушки вспыхнули огнем.

– Забыть Нарцисса, который молод и прекрасен, как Аполлон? Никогда! Но только у него ничего нет, и я должна быть очень экономной, чтобы того, что дает мне Беранже, хватило на нас обоих. Если ему, бедняжке, не удастся достать здесь ангажемента, то мы не увидимся с ним до самой зимы, – с глубоким вздохом закончила Мушка.

– Как ты думаешь, удастся мне здесь как-нибудь устроиться? Мне так надоела случайная жизнь, – сказала Казимира, сразу будто постаревшая под влиянием забот.

– Будем надеяться! Но тише, сюда идут маркиз и Бертран.

После взаимных представлений все сели за стол. Дамы отдали должную честь ужину, в особенности Казимира. Не будучи уверена в таком же обильном ужине на завтрашний день, она в громадном количестве поглощала кушанья и опоражняла бокал за бокалом. Разгоряченная вином, она стала петь и декламировать шансонетки и диалоги, до такой степени пикантные и оригинальные, что мужчины были на вершине блаженства. Наконец, Казимира вместе с Мушкой протанцевала бешеную сарабанду, что окончательно привело в восхищение кавалеров. Красный от вина Бертран, с блестящими глазами, объявил, что он не упустит женщину, одаренную такими талантами, и что он сейчас же ангажирует ее в «Эльдорадо», где она скоро составит себе счастье.

Ночную прогулку они совершили в отличнейшем расположении духа и в полном согласии. Возвратившись, Мушка и маркиз прошли к себе, предоставив Бертрану полную свободу выражать свои чувства Казимире и довершить свою победу.

В это время Алиса находилась в тяжелом нервном состоянии, похожем на кошмар. Такое состояние испытывает всякий человек, внезапно оторванный от здоровой и правильной жизни и брошенный в душливую атмосферу порока, лжи и полного одиночества. Ночные часы тянулись страшно долго, а маркиз все не возвращался. Лихорадочное беспокойство, смешанное со страхом, начало овладевать молодой женщиной. Голова ее горела, руки похолодели и нервная дрожь потрясала все тело. Позабыв все проступки Беранже, она стала представлять себе, что с ним случилось какое-нибудь несчастье. Иначе разве возможно, чтобы он провел всю ночь вне дома? Когда пробило четыре часа, Алиса вышла на террасу. Мертвая тишина уснувшего дома была ей невыносима.

Бледная и расстроенная, она облокотилась на балюстраду. Свежий воздух и утренняя роса пронизывали ее легкий пеньюар, но Алиса в своем волнении даже не замечала этого. Слух ее был страшно возбужден и она жадно прислушивалась, не услышит ли вдали стука колес экипажа. Наконец, солнце встало и залило горизонт золотом и пурпуром, а маркиза все еще не было.

Теперь молодая женщина больше не сомневалась: с ним случилось несчастье, так как иначе Беранже не стал бы так бравировать приличиями и компрометировать себя перед прислугой. Алиса прижала похолодевшую руку к своему пылающему лбу. Было около пяти часов утра. Боже! Когда же кончится эта ужасная неизвестность? Но вот у железной решетки сада остановился экипаж и отворилась маленькая калитка. Затем раздались тяжелые шаги, и в аллее появился маркиз, со сдвинутой на затылок шляпой и с сигарой в зубах. За исключением страшной бледности, он, по-видимому, был цел и здоров.

– Где ты был, Беранже? С тобой случилось что-нибудь?

Маркиз остановился, точно пригвожденный к земле, и растерянный взгляд его устремился на молодую женщину, которая была бледна, как ее пеньюар, и большие, влажные глаза которой смотрели на него с тоской и упреком. Чистая и девственная, как мало походила она на вакханку, с которой он только что расстался. Контраст до такой степени бросался в глаза, что Беранже был поражен и какое-то новое для него чувство зашевелилось в его груди.

– Алиса, безумное дитя! Ты еще на ногах и не спишь? – вскричал он, привлекая к себе молодую женщину и целуя ее. – Но твоё платье совсем мокро! Ты простудилась!

– Как ты бледен, Беранже! Ты болен?

Лицо маркиза на минуту омрачилось. Какую ложь придумать, чтобы прилично объяснить свое отсутствие? Сказать ей, что причиной его бледности ночная оргия он не мог, конечно. Он даже чувствовал смутные укоры совести за то, что он оскверняет это невинное создание, прикасаясь к ней теми же самыми губами, на которых еще горели поцелуи куртизанки. Но прежде чем он успел что-нибудь придумать, руки Алисы, обвивавшие его шею, опустились, а по лицу ее разлился яркий румянец. Она откинулась назад, и широко открытые глаза ее точно приросли к синему шелковому чулку, заменявшему его вчерашний галстук. Ей не нужно было другого ответа; этот чулок, повязанный, без сомнения, под влиянием выпитого вина, говорил достаточно ясно. Быстро повернувшись, Алиса убежала вглубь сада.

При виде выражения бесконечного презрения на лице жены, слабый румянец появился на бледном и усталом лице маркиза и он невольно поднес руку к шее.

– Как это глупо! Эта дура бросает свои чулки на стол, где лежит галстук! – маркиз почесал за ухом. – Мне следовало бы пойти за женой и успокоить ее, а то она способна сделать из мухи слона. Но я так устал, что едва держусь на ногах. Нет, лучше я прежде высплюсь, а потом все устрою.

С этими словами он направился в спальню. Спрятав чулок Мушки в карман, он лег в постель и почти тотчас же заснул.

Точно преследуемая фуриями, Алиса пронеслась через весь сад и машинально направилась по тропинке, которая вела к развалинам. Страшная буря, какой она еще никогда не испытывала, бушевала в ее душе. Каждая фибра ее существа дрожала от отвращения. Если бы она могла действовать под влиянием минуты, она бежала бы отсюда, вернулась в Париж к своему опекуну и рассказала бы ему про неслыханные оскорбления, градом сыпавшиеся на нее с того рокового часа, когда она навеки связала себя с этим лицемером и бесстыдным кутилой. Кипя негодованием, со сдавленным горлом и с пылающими глазами, молодая женщина почти бегом поднималась на крутой холм, не замечая, что кружева ее пеньюара рвались о корни и кусты и что ее маленькие ноги, обутые в атласные туфли, глубоко уходили во влажный мох. У нее была только одна мысль: остаться одной и уйти подальше от бесчестного человека, которого она ненавидела – подальше от этого дома, где она была лишняя и где все было ей ненавистно.

Достигнув развалин, Алиса остановилась от усталости. Ноги ее дрожали. Тяжело дыша, она опустилась на камень и разразилась рыданиями. Целые ручьи горячих слез смочили ее лицо и облегчили ее страдания.

Алиса плакала долго. По мере того как падало возбуждение, начинала брать верх спокойная энергия ее натуры. Она окончательно отбросила все свои планы о бегстве и отказалась от решения жаловаться барону. Жаловаться! Но это имело бы вид, что она хочет силой закона вернуть себе любовь и верность этого недостойного человека. При одной мысли об этом в ней возмущалась вся ее гордость. Нет, нет! Она ничего не хочет от него. Но она напишет Марион и попросит у нее совета. Затем, с горечью вспомнив о своей разбитой жизни, она снова заплакала.

Вдруг Алиса вскочила на ноги и, страшно побледнев, стала прислушиваться. Нет, она не ошиблась: действительно где-то близ нее слышалось чье-то тяжелое и отрывистое дыхание. Очевидно, кто-то спал здесь. С большими предосторожностями Алиса стала искать спящего. Кто бы это мог быть? Если это какой-нибудь бродяга, то нужно как можно скорей бежать отсюда. Но едва она сделала два шага, как к крайнему своему удивлению, увидела Ренуара, сидевшего в углублении стены. Лицо его было бледно, как воск. Протянутые вперед руки точно закохенели, а широко открытые, стеклянные глаза, казалось, были устремлены на какое-то отдаленное видение.

Испуганная молодая женщина нерешительно смотрела на него. Очевидно, несчастный был болен, но как помочь ему? В эту минуту Ренуар выпрямился. На лице его сразу выступил румянец, а в больших, темных глазах вспыхнуло какое-то странное пламя.

– Слезы и слезы! Разве мало их уже видели эти стены?.. И все это из-за того, что мессир Беранже вернулся с оргии на рассвете! – сказал он смешанным тоном насмешки и участия.

– Откуда вы знаете причину моих слез? – вскричала Алиса, покраснев от стыда.

Молодой человек поклонился и устремил на нее свой пылающий взгляд, заставивший ее задрожать.

– Потому что я знаю его! Вы слепы; я же знаю, что он остался тем же, чем был и что он всегда будет предпочитать вам ядовитую гадину, дышащую одним только пороком.

– Как? Вы знаете женщину, ради которой Беранже изменяет мне? – растерянно пробормотала Алиса.

Лицо Ренуара исказилось выражением адской ненависти.

– Да, я знаю ее! А вы? Разве вы не узнали ее?

– Я никогда не видала ее, – ответила Алиса, все больше и больше пугаясь и невольно отступая назад.

Но Ренуар схватил ее за руку и сильно сжав, произнес хриплым и отрывистым голосом:

– Это – цыганка! Она не знает, что я подстерегаю ее здесь и что не успокоюсь, пока не увижу, как ее окровавленное тело полетит в эту пропасть.

Кипя гневом и ненавистью, с налитыми кровью глазами, молодой человек был положительно страшен. Алиса глухо вскрикнула и пыталась освободить свою руку. При этом движении возбуждение Ренуара сразу упало.

– Не бойтесь, маркиза, я вам не сделаю зла. Я же сказал правду: я их узнал. Но не считайте меня сумасшедшим, – сказал он, усталым жестом проводя рукой по лбу. Затем, быстро повернулся и исчез в развалинах.

– Этот несчастный положительно с ума сошел, но как он странно угадал причину моего горя! – прошептала молодая женщина, тихо направляясь домой. Только теперь она почувствовала страшную усталость вследствие долгих часов нравственного напряжения. Алиса решила пройти прямо в свой будуар и немного заснуть на кушетке. Видеть Беранже, который, без сомнения, спит в спальне, она еще не могла.

Чтобы пройти через маленький балкон, прилегавший к будуару, Алиса должна была миновать людские, где жила ее горничная. Вдруг она остановилась, неприятно пораженная голосами Этьенетты и грума Жака, который был ей очень антипатичен.

– Так как вы, Этьенетта, всегда так суровы ко мне и так беспощадно относитесь к моей любви, то я уезжаю и буду жить в городе. Господин маркиз нанял там комнату с прихожей для меня и для своих вещей.

– Разве он думает разводиться? – спросила смеясь камеристка.

– О, нет! Зачем? Ведь маркиза так мало стесняет его, – ответил грум. – Видите ли, в чем дело. Вчера приехала Мушка. Так как господин маркиз не хочет обижать ее своим невниманием, то он нашел для себя удобнее иметь там свое помещение и часть гардероба. В Париже у него было даже два таких убежища, где он принимал дам, которые не должны были встречаться друг с другом.

– Но ведь тогда он не был женат!

– Брак, Этьенетта, для людей высшего общества не более, как простая формальность. Это мы смотрим на него серьезно; для господ же любовь – все! А господин маркиз обожает свою Мушку. Как он вчера праздновал ее приезд! Тонкий ужин, прогулка, катание в ландо... Он купил два громадных букета: один для Мушки, другой для ее подруги, которую она Бог знает зачем привезла сюда. Но вернемся к делу. Сегодня же я уложу фрак, два парадных смокинга, два летних костюма, белье, костюм велосипедиста и переезжаю в Вогалль, где буду служить также и Мушке.

Алиса с отвращением повернулась и направилась к главному входу. Того, что она услышала было достаточно. Какой новый отвратительный мир раскрылся перед ее глазами! И он, маркиз, отдавал себя в руки лакеев, благодаря своим интригам, бесконечной лжи, изменам и тайной любви! Да, она была совершенно лишняя в его жизни. В своей невинности она не могла понять очарования подобного существования. И такого-то мужа она должна любить и уважать, как главу семейства! Горькая и насмешливая улыбка скользнула по губам Алисы. Тем не менее, перенесенное ею раньше сильное волнение ослабило эффект разоблачений грума. Разве могло ее теперь что-нибудь удивить!

Молодая женщина тщетно старалась заснуть. Тяжелые мысли осаждали ее. Чтобы избавиться от них, Алиса вышла на террасу, желая развлечься чтением, но вид пожилой экономки, хлопотавшей с завтраком, внушил ей новую мысль.

– Моя добрая Сузанна! Бросьте хлопотать о завтраке и отошлите Баптиста. Я еще не голодна. Пусть он придет через полчаса. Вы же подойдите сюда; я хочу задать вам несколько вопросов.

Пожилая женщина повиновалась. Она почтительно остановилась перед своей госпожой, с тайным участием смотря на побледневшее личико маркизы и на ее покрасневшие глаза, ясно говорившие о слезах и бессонной ночи.

– Давно вы живете здесь, Сузанна? – спросила Алиса, после минутного молчания.

– Да вот уже около двадцати лет, маркиза. Прежде я служила барону Форестьеру. Когда же барон де Верделе купил это имение, он оставил меня на месте.

– В таком случае, вы должны хорошо знать всех соседей. Скажите же мне, что за личность некий господин Ренуар, которого я несколько раз встречала на развалинах замка и аббатства. По виду, он очень приличный молодой человек. Только в своем ли он уме? Иногда он говорит такие странные вещи!

– А! Господин Ренуар – рыцарь, как его прозвали здесь. Да, несчастный молодой человек немного помешан. Надо признаться, его помешательство довольно странное. Он уверяет, что он рыцарь, который был убит здесь.

– Цыганкой?

– Именно, маркиза – цыганкой и одним из синьоров Верделе, которых он хочет во что бы то ни стало найти и сбросить в пропасть к подножию скалы. Когда же дело не касается этой странной идеи, он вполне рассудителен. Два года тому назад он приехал сюда, чтобы отдохнуть после тяжелой болезни или после семейного несчастья – я хорошенько сама не знаю. Тогда только что были открыты минеральные воды, и он был первым их посетителем. Однажды он посетил развалины. Случилось ли с ним здесь какое-нибудь потрясение или просто он получил воспаление мозга, но только с тех пор он так и остался немного помешанным. Так как господин Ренуар – человек очень богатый, он купил себе здесь имение, роскошно отделал дом и живет большим баринком. Все это я знаю от его лакея, который доводится мне кумом.

– Хорошо! Но что же он еще рассказывает? Право, все это очень интересно, Сузанна!

– Боже мой! Да он рассказывает тысячу глупостей, маркиза. Так, например, он уверяет, что он похоронен здесь в аббатстве вместе с одной владелицей замка, невольной причиной смерти которой был он. Затем, он говорит про какого-то алхимика и злого синьора, который колдовал в Башне Дьявола. Но все это бывает только временами. Потом две или три недели он бывает в полном уме, читает, работает и занимается своими делами. Только он сам нигде не бывает и почти никого не принимает у себя. Когда же на него снова находит, он спит днем, а ночью бродит по развалинам и поет иногда под аккомпанемент какого-то древнего инструмента, лютни. Но так как он тих, покоен и никогда никому не желает зла, то его и оставляют делать, что ему угодно.

– Все это очень любопытно! Но скажите мне, Сузанна, справедливы ли все эти истории о привидениях, о которых говорил мне маркиз?

– Об этом трудно что-нибудь сказать, маркиза! Сама я никогда ничего не видала и не слыхала, но очень почтенные и вполне достойные доверия люди уверяли меня, что они видели в развалинах мужчину в черной одежде, с чисто дьявольским лицом, который исчезал, когда они осеяли себя крестным знаменем. Другие рассказывали, что видели белую женщину, появлявшуюся ночью, то на маленьком балконе над пропастью, то в окне большой, довольно хорошо сохранившейся залы, которая носит название рыцарской. Затем, много людей слышали по ночам страшные крики в Башне Дьявола и видели окровавленные тени женщин и детей, которые то появляются, то снова исчезают в башне. Наконец, один старый журналист, Гаспар, уверяет, что его дед видел ужасного синьора де Верделе, который был страшным колдуном и душа которого стережет огромные сокровища, зарытые в подвалах. Говорят, что через каждые сто лет он показывает кому-нибудь свои сокровища и убивает того, кто поддается искушению.

– Благодарю вас, Сузанна, за все сведения, которые вы мне дали, в особенности же о Ренуаре. Он положительно пугал меня своими странными манерами. А теперь прикажите подавать завтрак. Затем я лягу немного отдохнуть, так как я плохо спала ночью.

Прошло двенадцать дней, не принеся с собой ничего достойного внимания. Между маркизом и его женой не было никакого объяснения по поводу синего шелкового чулка. Малейшей попытке ко лжи или к нежным излияниям со стороны мужа Алиса противопоставляла холодное равнодушие. Она говорила с маркизом только тогда, о когда он обращался к ней с вопросом; сама же никогда не спрашивала, куда он идет, но зато и не дожидалась его больше. Однако, одному Богу было известно, чего стоило молодой женщине такое поведение, хотя она и считала его необходимым для сохранения своего достоинства. Беранже же был в восхищении от полной свободы, которую ему давали. Первое время его, правда, очень обижало ледяное равнодушие жены, и это чувство пробуждалось в нем всякий раз, когда прилив его любезности не только не встречал отклика в Алисе, но она, казалось, даже не замечала его. Маркиз ждал сцен, борьбы за свою свободу или глупой доверчивости, которая довольствовалась бы, так сказать, официальной нежностью и подобием любви, которые он как милостыню бросал бы жене. Но перед гордым молчанием молодой женщины, перед ее холодным и ясным взглядом он чувствовал себя неловко, хотя его совесть уже настолько заглохла, что даже не нашептывала ему о

примирении. Напротив, маркиз убедил себя, что все устроилось к лучшему. Он по-прежнему относился к Алисе с притворной нежностью, а дни и ночи посвящал Мушке.

В Во-галле было одно бесконечное празднество. Казимира окончательно покорила Бертрана, так что он ездил даже в Париж заказывать ей костюмы. Зато дебют ее в «Эльдорадо» вышел блестящим.

Что же касается Беранже, он плавал как рыба в воде между двумя любовными интригами: с Мушкой и с госпожой Бертран. Обе были страшно ревнивы, подозрительны и чувственны. Искусство, с каким он обманывал обеих, в высшей степени забавляло его, и он восхищался сам собой.

Верный велосипед переносил маркиза с одного свидания на другое, избавляя его от опасных сообщников и оставляя за собой такой же след, какой оставляет птица в воздухе. Одна только вещь страшно возмущала его – потеря драгоценного времени, вызванная необходимостью ночевать на вилле, и по крайней мере три раза в неделю обедать дома. Эту уступку он делал ради приличия, но в тайне проклинал ее. Но особенно бесило его то, что он вынужден был делать большой объезд, так как прямая дорога в Верделе, обсаженная чудными вековыми дубами, проходя по соседнему имению, пересекалась парком, закрытым для посторонних, так что этой дорогой могли пользоваться только жившие у Ренуара, владельца имения.

Так как жара с каждым днем все увеличивалась, а вместе с тем становилась все томительней езда под солнечными лучами. Беранже решил сделать соседу визит и попросить у него позволения ездить парком.

С этой целью он отправился однажды на маленькую, красивую виллу, принадлежавшую Ренуару. Молодой хозяин принял его на обширной террасе, превращенной в гостиную. Толстая материя и вьющиеся растения поддерживали на ней приятный полусвет. Беранже изложил свою просьбу, но никак не мог избавиться от неприятного ощущения, чувствуя на себе пристальный и пылающий взгляд собеседника. Вообще, Ренуар произвел на него тяжелое впечатление, хотя изысканные манеры выказывали в нем человека хорошего общества. Ренуар чрезвычайно любезно согласился на просьбу маркиза. Он даже вручил ему отдельный ключ от решетки парка, что позволяло маркизу пользоваться парком, когда ему будет угодно.

Беранже горячо поблагодарил Ренуара и выразил ему свою радость, что имеет такого любезного соседа. Затем он объявил, что очень рад, что познакомился с ним.

Странная улыбка, полугорькая, полунасмешливая, скользнула по губам Ренуара, между тем, как его мрачный и сверкающий взгляд блуждал по всей фигуре маркиза.

– Вы знаете, что меня все считают здесь сумасшедшим?

– Скажите пожалуйста! Кто же распускает такую клевету про вас и за что? – вскричал с удивлением Беранже.

– Потому что я общаюсь с привидениями, – лукаво сказал Ренуар.

– Черт возьми! Да вы посещаете самое безобидное, и в то же время самое интересное общество. Я был бы очень рад видеть хоть одно привидение.

Бледное лицо Ренуара приняло серьезное выражение.

– Все мы не более, как выходцы с того света, только забывшие свое прошлое, – торжественным тоном сказал он.

Беранже хлопнул себя по лбу.

– Понимаю! Вы спирит, последователь Кардека, и верите в дальнейшие воплощения. За это-то вас и считают немного... ненормальным.

– О! Попросту сумасшедшим.

– Немного рискованно осуждать то, чего не понимаешь. От одного своего друга я много слышал о спиритизме и о его проповеднике, Аллане Кардеке. Вопрос этот очень заинтересовал меня, но я не имел случая исследовать его, – заметил Беранже. – Но если, как я надеюсь, вы

сделаете нам удовольствие и посетите нас, мы поговорим с вами об этом вопросе, который всегда привлекал меня своей таинственностью.

Ренуар вежливо поклонился. Затем, после непродолжительного разговора, маркиз удалился.

Вернувшись домой, Беранже рассказал за обедом Алисе про свой визит. Затем он прибавил, смеясь:

– Люди не совсем неправы, считая добряка Ренуара сумасшедшим, так как его мысль считать нас всех выходцами с того света, право, очень оригинальна.

Когда молодая женщина рассказала ему про свои встречи с их странным соседом, Беранже прибавил:

– Это нервный человек, страдающий галлюцинациями, но, очевидно, он совершенно безобиден. Если он придет к нам, поговори, пожалуйста, с ним про его галиматью, так как у меня не хватит на это выдержки.

Горя нетерпением прокатиться по новой дороге, маркиз уехал тотчас же после обеда, оставив жену в одиночестве, которое с каждым днем становилось ей все невыносимей. Под влиянием чувства покинутости и оскорбленной гордости, Алиса написала Марион отчаянное письмо. Она описала непростительное поведение маркиза, скуку и ужасное одиночество, в котором жила.

«В настоящую минуту умоляю тебя ничего не говорить моему опекуну. Да сохранит меня Господь жаловаться кому-нибудь! Придет время, я начну действовать и разведусь с этим бесчестным кутилой, который женился на мне только для того, чтобы оскорблять и изменять мне, нежность же свою и предупредительность он бережет для отвратительного создания, своей любовницы. Он привез ее сюда и с невероятным бесстыдством посещает ее».

Затем, рассказав про случай с галстуком, она прибавила:

«Приезжай скорей, Марион! Если бы ты знала, как жажду я поговорить с тобой и выслушать твои советы. Ты опытна, ты уже четыре года замужем и должна была многое видеть и испытать. Мне же три недели супружеской жизни кажутся бесконечным адом. Временами у меня появляется желание покончить с собой, так как перспектива прожить всю жизнь с этим чудовищем положительно превосходит мои силы».

И действительно, бывали дни, когда молодая женщина думала, что сойдет с ума. Целые часы проводила она в развалинах, плача или мечтая, но Ренуара она больше не встречала. Молодой человек, казалось, избегал ее.

Ответ Марион не заставил себя ждать.

«Бедная моя! – писала госпожа Лаварди. – Твое письмо глубоко огорчило меня. Оно доказывает, что все идет гораздо хуже, чем я предполагала. Я не понимаю только одного: чего ради маркиз, всегда так заботливо сохраняющий приличия, теперь пренебрегает ими и открыто показывается со своей любовницей.

Все это надо будет исследовать. Я сейчас же могла бы иметь сведения о господине де Верделе и его красоте от Рожера, но я не очень-то доверяю ему. В таких делах мужчины всегда солидарны и не выдают друг друга, если дело не касается дележа. Я сама увижу, в чем дело, когда неожиданно приеду, что, увы!.. будет не раньше месяца или шести недель. Если бы могла, я приехала бы завтра же, но обстоятельства удерживают меня.

Итак, запасись терпением, дорогая моя Алиса, а главное, брось всякую мысль о самоубийстве. Все это глупости. Ни один мужчина не стоит того, чтобы из-за него вешались. Ты слишком трагично смотришь на вещи. Такова уж участь женщин: делить, что ей дорого, с какой-нибудь негодяйкой. Но говорю тебе по опыту, что все устраивается. Когда надоедает одиночество, то заводят обыкновенно друга. Молодая, красивая и брошенная женщина никогда не будет иметь недостатка в утешителях. Тогда начинается интересная и полная волнений жизнь: маленькие интриги, тайные свидания, взаимное обожание и, наконец, любовь, так как

мы тоже созданы из плоти и костей и жаждем счастья, между тем как наши мужья воображают, что они одни пользуются монополией измены, да еще обижаются, когда им наставляют рога.

Храни тщательно все доказательства неверности маркиза. Такие вещи могут оказать тебе в будущем большую услугу, если Беранже осмелится обижаться на то, что тебе нравится Гюнтер. Я привезу его с собой. Про него я могу сказать только одно: это идеальный любовник! Он красив собой, скромен и не легкомыслен.

Р. S. Я забыла тебе сказать еще одну вещь. Благодаря забавному случаю, у моей камеристки есть брат, который служит при Во-галле в Верделе. Ты сама понимаешь, как это обстоятельство будет нам полезно для получения точных сведений, причем господин маркиз никогда не найдет их источника. Итак, мужество и терпение!»

Алиса ни слова не сказала мужу про это письмо. Однако, утешения Марион не остались совсем без результата. Если она еще с отвращением отталкивала даже мысль о любовнике, то, все-таки, сильно интересовалась тем, что она узнает. Несмотря на гордость, ею иногда овладевало какое-то болезненное желание проведать, для кого и как изменяют ей. Наружно же она больше чем когда-нибудь замкнулась в холодную сдержанность, молча и равнодушно перенося банальную любезность маркиза, который в своем тщеславии воображал, что молодая женщина привыкла к такому образу жизни и довольствуется тем подобием любви, которым он дарит ее, когда это позволяет его любовница.

Но если маркиз был доволен и в его глазах Алиса тоже, то Мушка под влиянием своей грубой ревности кокетки не была удовлетворена и обдумывала новые планы. Она ненавидела молодую женщину, носившую, несмотря на свое одиночество, законный титул маркизы де Верделе. Такое общественное положение, дававшее Алисе неоспоримые права, возбуждало в куртизанке ярость и ненависть. Ей даже казалось, что у нее крадут те редкие часы, которые Беранже проводит на вилле, и она решила похитить маркиза. Жена его должна остаться совершенно одна. Пусть она развлекается с привидениями и посещает развалины! С нее довольно и этого.

С этой целью она стала намекать, как было бы весело и приятно прокатиться в Бретань. Там можно было бы пробыть дней восемь, купаться в море, а потом, совершенно освежившись, вернуться опять сюда. Бертран, под влиянием Казимиры, поддержал этот проект. В самом деле, что значат какие-нибудь десять или пятнадцать дней, а причину отсутствия можно всегда прилично мотивировать. Зато как приятно будет пожить на полной свободе, тогда как здесь приходится стесняться на каждом шагу.

Для поддержания вулканической атмосферы, которую так любил Беранже и в которой он так хорошо себя чувствовал, Мушка прибегла к невероятной нежности, причем выказала страшную жадность. Пользуясь экстазом своего любовника, она полными горстями черпала из суммы в семьдесят пять тысяч франков, которую барон дал племяннику для ликвидации его холостой жизни.

Несмотря на все это, остаток чувства приличия, может быть, и помешал бы Беранже согласиться на проект своей любовницы, если бы ему страшно не надоела связь с госпожой Бертран. Кларисса никогда ему серьезно не нравилась. Минутный каприз и привычка покорять всех женщин побудили маркиза соблазнить это ничтожное создание, которое теперь крепко цеплялось за него, осмеливалось ревновать и положительно надоело ему своими сценами и претензиями.

Прсле одной из подобных сцены, Беранже решил ехать. Общество Бертрانا и Казимиры ручалось ему за то, что Кларисса будет сидеть дома. Когда же он вернется, эта любовная интрига отойдет в область прошлого, и он, конечно, постарается, чтобы она не возобновлялась. Раз отъезд был решен – предлог уже было нетрудно найти. И вот, благодаря любезности одного друга, пришли две телеграммы. Одна – из Парижа на имя Бертрана, в которой звали его по

неотложному делу; другая – на виллу, в которой просили Беранже как можно скорее приехать в Руан к опасно больному другу.

Маркиз показал телеграмму жене, причем объяснил, что этот больной друг должен ему весьма значительную сумму, которую он ссудил без всякой расписки, на честное слово. После этого друг получил большое наследство. Теперь же, почувствовав себя очень плохо, он, очевидно, зовет маркиза для того, чтобы уплатить ему этот долг, опасаясь, как бы его наследники не затянули этого дела.

– Несмотря на то, что мне очень не хотелось бы расставаться с тобой, дорогая моя, я должен ехать сегодня же, ночным поездом. Но ты не очень грусти: дней через восемь или десять я вернусь. Мне надо только съездить, получить и вернуться.

Алиса молча опустила голову и сердце ее болезненно сжалось. Тем не менее, она спокойным тоном приказала уложить вещи мужа.

Прощание с нею Беранже снова поколебало наивное сердце молодой женщины. Волнение мужа, нежность и слезы, блестевшие на его глазах, почти убедили ее, что лишь необходимость вынуждает его ехать. Она и не подозревала, что эти притворные слезы предназначались для того, чтобы обмануть ее и заставить терпеливо переносить одиночество. Муж же ее, с легким сердцем, без малейшего угрызения совести, полный грубого стремления к наслаждению, едет с падшей женщиной. И она – эта женщина – решила, что отсутствие маркиза будет продолжительно, и что она заставит страдать другую молодую женщину, которая похитила у нее титул маркизы.

Когда Алиса осталась одна, страшная грусть овладела ею. По целым часам бродила она то в саду, то по развалинам. Она едва притрагивалась к еде, а по вечерам горько плакала. Иногда ей становилось жутко в этом большом, пустом доме, тем более, что голова ее была полна рассказами о привидениях, а зловещая Башня Дьявола была так близко от дома. Ночью каждый шум заставлял ее вздрагивать. Когда наступал день, она сама удивлялась своему малодушию и нарочно блуждала по развалинам. Но нервы ее были совсем расстроены, и ее болезненное состояние со дня на день все обострялось.

Четыре дня спустя после отъезда Беранже, заладили дожди, и Алиса вынуждена была сидеть дома. Однажды, когда она сквозь слезы смотрела на поля, утопавшие в сыром тумане, ей подали визитную карточку Ренуара. Приход странного соседа, в эту минуту, был приятен молодой женщине. Разговор с посторонним лицом хоть на минуту отвлечет ее от мрачных дум.

Алиса приняла гостя в маленькой гостиной. Сначала они говорили о различных вещах, но сверкающий и пытливый взгляд Ренуара постоянно устремлялся на покрасневшие и усталые глаза молодой женщины.

– Маркиза! – сказал Ренуар, после минутного молчания. – Я вижу вашу грусть. Простите мне мою нескромность, но я спрошу вас, о чем вы плачете? Об отсутствии тела, душа которого уже давно отлетела? Вы приходите в отчаяние только потому, что вы слепы. Если бы вы пожелали меня выслушать, вы увидели бы все в новом свете и, может быть, нашли бы в этом утешение.

– Говорите, сударь! Просветите меня новым светом, о котором вы говорите, и я буду очень вам за это признательна, – ответила Алиса, густо покраснев при намеке на горе, причиняемое ей отсутствием мужа.

Ренуар слегка наклонился вперед.

– Без сомнения, вы читали в Библии легенду о лестнице Иакова, но не поняли этого аллегорического видения, которое открывает нам истину, забытую в наши дни, но хорошо известную в древности. Эта истина заключается в том, что мы не раз живем на земле. Те же самые существа снова встречаются в другом обличий и не узнают друг друга, благодаря забвению прошлого и плотскому ослеплению. Но почему Божественная Премудрость запечатала уста своих детей? Я тщетно искал ключ к этой загадке. Без этого рокового забвения, мы, конечно,

были бы осторожнее при встрече с врагом и доверчивей и нежней к вновь найденному другу. О! Если бы вы помнили прошлое, вы не плакали бы теперь об отсутствии маркиза! Вы не пошли бы с ним к алтарю, чтобы вновь пройти тот горький жизненный путь, который раз уже пережили в этих самых стенах, которые вы видите отсюда разрушенными! Вы дождались бы корабля, несущего от далеких берегов любимого вами человека, который тоже вас любит и дал бы вам счастье!

По мере того, как Ренуар говорил, страшная бледность разливалась по его лицу. Большие, неподвижные глаза его, казалось, проникали в неизвестный мир. Дрожь сверхъестественного страха пробежала по телу Алисы, когда Ренуар вдруг рассмеялся пронзительным и сардоническим смехом.

– Ах! Он должен был искупить, исправить зло, причиненное вам! Как будто зло когда-нибудь исправлялось и жертва вознаграждалась своим палачем! О! Несовершенное правосудие! По какой-то адской логике оно всегда избирает жертву, чтобы она служила пробным камнем, на котором палач испытывает, остался он таким же, или нет?

Ренуар на минуту умолк.

– Я не сумасшедший, маркиза, но я стараюсь решить проблему правосудия. Имеет ли оно какую-нибудь форму? Имеет ли силу сердце? Какой закон управляет им? По-видимому, на его весах зло всегда перетягивает добро. Оно всегда осуждает и никогда не милует. Недаром его называют слепым, так как оно поддерживает злодеев и отворачивается от тех, кто требует вознаграждения за свои жертвы, страдания и напрасно перенесенные несправедливости. Да, слепое и жестокое, оно оставляет одних вечно наслаждаться, а других допускает страдать без конца!

Алиса опустила голову, чтобы скрыть выступившие на ее глазах слезы. Все, что говорил Ренуар, находило болезненный отклик в ее наболевшей душе. Почему она должна страдать – она, никому никогда не сделавшая зла? Почему она не заслуживает быть любимой? А между тем, порочная и распущенная женщина наслаждается всеми благами жизни. Без сомнения, Ренуар тоже был очень несчастен, если он так обвинял Божественное Правосудие. Под влиянием этой мысли, у нее почти невольно сорвался вопрос:

– Вы много страдали, прежде чем пришли к таким печальным заключениям?

При звуке этого нежного голоса, в котором звучали симпатия и участие, молодой человек быстро оторвался от поглощавших его мыслей. На минуту взгляд его устремился в красивые, ясные и чистые глаза, смотревшие на него.

– Вы угадали, маркиза! Я много страдал прежде, чем сделался «зрячим». Человек уж так устроен, что только перенеся на самом себе несправедливость, он начинает понимать других. Только тогда он убеждается, что существует злой, даже, скажу больше, сатанинский случай, ищущий и умеющий навлекать несчастья на людей, тогда как этому же случаю было бы так легко группировать вместе симпатизирующие друг другу существа, которые нашли бы счастье во взаимной гармонии своих душ. Этот-то злой и насмешливый случай я испытал на самом себе. Я независим, даже богат, и очень люблю семейную жизнь, со всеми ее тихими и чистыми радостями. В женщине я искал идеал, невинность и душевную красоту.

Руководясь этим идеалом, я женился на красивой молодой девушке, не имевшей никаких средств. Я любил ее всей душой и был уверен, что она одарена всеми добродетелями.

Прошел год, как мы были обвенчаны, когда неожиданно умерла тетка, воспитавшая меня и оставившая мне весьма значительное наследство. Я вынужден был ехать устраивать дела. Так как моя жена еще не совсем поправилась после несчастных родов, то я, по совету доктора, послал ее на воды, где потом должен был присоединиться к ней.

Там-то она и встретилась с одним из тех господ, которые, ради времяпрепровождения и возбуждения притуплённых нервов, забавляются совращением женщин, достаточно легко-

мысленных, чтобы позволить себя обольстить красивой внешностью и ласковыми словами, и воображающих, что все, что блестит, золото.

И вот моя жена, которую я обожал, как ангела чистоты, оказалась принадлежащей к числу таких пустых женщин. Ей достаточно было несколько недель моего отсутствия, чтобы изменить мне и бежать с человеком, избравшим ее своей игрушкой. Приехав на воды, я нашел только письмо, в котором она объявляла, что не любит меня больше и просила развода.

Я ей дал его, так как она перестала для меня существовать. Но мое разочарование было ужасно. В первый раз я задал себе вопрос, в силу какого закона справедливости мое счастье, честь и жизнь должны служить удовлетворению фантазии бессовестного лентяя и распущенной женщины, которая бросила меня, как совершенно лишнюю вещь.

– И вы не отомстили им? Ведь вы могли потребовать удовлетворения у этого презренного? – с негодованием пробормотала взволнованная Алиса.

– Я бы стал мстить!/? Разве мстят людям, которых презирают? – с ненавистью сказал Ренуар. – Оба они стоят друг друга, и бежала ли она с Жаном или Пьером – мне все равно. Я не хотел даже знать имени того человека, как и вам должно быть безразлично, с блондинкой или брюнеткой путешествует ваш муж. Тот же несправедливый случай, связавший меня с недостойной женщиной, отдал вас во власть маркиза.

– Да, правда. Где справедливость? – пробормотала окончательно подавленная маркиза. Но в ту же минуту она страшно побледнела и выпрямилась, дрожа всем телом.

Ренуар вскочил со стула. Глаза его пылали, а рот искривился.

– Надо найти это скрывающееся правосудие! – вскричал он хриплым голосом. – Надо заставить его исполнить свой долг! Пусть оно накажет виновных и даст покой честным людям!

Заметив испуг молодой женщины, он сразу успокоился и тихим голосом попросил извинения за то, что так увлекся.

Затем, видимо утомленный, он простился, прося маркизу позволить ему изредка навещать ее, что та охотно разрешила, так как странный сосед начал все больше и больше интересоваться ее.

Тяжело и медленно тянулись дальнейшие дни. Алиса делалась все более и более нервной и, кроме того, чувствовала себя не совсем хорошо. По всей вероятности, она простудилась в ту ночь, когда ждала маркиза и бегала с мокрыми ногами в развалины. Под влиянием этого нездоровья, печали и нервного раздражения, Алиса целые дни проводила в развалинах, к которым почувствовала еще больший интерес после разоблачений Ренуара. Она постоянно думала о его странных словах: «Вы уже раз провели в этих стенах горькую и одинокую жизнь. Если бы вы знали, кто Беранже, вы бы не вышли за него замуж.» А если правда, что человек несколько раз живет на земле, как это допускают все древние науки и все известные мыслители и философы, мудрость которых еще продолжает светить миру? Конечно, Ренуар психически болен, но присланные им книги, которые она просмотрела, трактуют о тех же вещах и, притом, с поразительной ясностью и глубиной. Только несчастный больной приурочивал все это к овладевшей им мысли.

О! Как хотела бы она знать, не поднимет ли иногда безумие таинственную завесу прошлого? Охваченная лихорадочным любопытством, она блуждала среди развалин замка, ища чего-нибудь, что пробудило бы ее память, если она действительно жила здесь прежде. Поглощенная своими мыслями, она окончательно забыла все свои страхи, смело взбиралась всюду в поисках воспоминаний, которые никак не хотели явиться ей на помощь, забравшись в какой-нибудь уединенный уголок.

Теперь она полюбила взбираться на Башню Дьявола и подвергла тщательному осмотру залы всех трех этажей. В одной из зал она нашла большой очаг, а в соседней комнате кучу битой посуды, покрытую вековой пылью. Алиса имела терпение перерыть палкой всю кучу и нашла загнутую стеклянную трубку, которую она приняла за шейку куба и унесла ее, чтобы

показать Ренуару. С этого времени зала с очагом особенно заинтересовала ее. Без сомнения, здесь работал легендарный алхимик и здесь же ужасный синьор вызывал дьявола. Дьявола!

Но неужели он существует, несмотря на весь скептицизм XIX века? Алиса сама смеялась над своими суеверными мечтами.

Однажды она, по обыкновению, запоздала в развалинах, а неожиданный ливень заставил ее укрыться в Башню Дьявола.

Алиса прошла в комнату алхимика и присела на ступеньку, окружавшую очаг.

Она была очень утомлена, прислонилась к стене и незаметно заснула.

Когда молодая женщина проснулась, наступила уже ночь, – чудная июньская ночь, теплая и ароматная. Однако, несмотря на это, в этих старых стенах царила страшная сырость. Широкий луч луны, проникая сквозь узкое окно, освещал часть залы.

Испуганная и дрожащая Алиса выпрямилась. Члены ее отяжелели. Ища какую-нибудь опору, она оперлась о стену, и к крайнему своему удивлению, почувствовала под пальцами кольцо тонкой цепочки. Цепочка подалась – и в ту же минуту над головой молодой женщины раздался громкий звон колокола. Алиса хотела бежать отсюда, но можно представить себе ее ужас, когда она почувствовала, что цепь удерживает ее руку. Ее браслет зацепился за одно из колец цепочки. Каждое движение при попытке освободиться только сильнее потрясало колокол и усиливало его зловеющий, пронзительный звон. Холодный пот выступил на теле Алисы, и ей казалось, что она чувствует, как поднимаются ее волосы.

С отчаянным усилием она рванула руку и разорвала цепочку. Она хотела уже бежать из этого ужасного места, как вдруг остановилась, точно парализованная, и крик ужаса замер у нее на губах.

На пороге соседней комнаты, ярко освещенный лунным светом, стоял какой-то незнакомый, высокий худой и сгорбленный мужчина. На нем была длинная широкая черная одежда, доходившая до самого пола. Белый галстук еще резче выделял желтое, костистое лицо и обнаженный череп, цвета старой слоновой кости. Эта странная фигура держала в руках старинный подсвечник с тремя зажженными восковыми свечами. Глубоко сидевшие в орбитах глаза, пылавшие, как два горящих угля, точно приросли к пораженной ужасом молодой женщине.

– Зачем ты звонила, несчастная? Беранже не приходит больше искать эликсира вечной жизни, – сказал незнакомец, причем голос его будто доносился издалека. – И зачем ты пришла сюда? Беги отсюда, дама де Верделе: эти стены приносят тебе несчастье. Мариам здесь.

У Алисы закружилась голова. Все вокруг нее трещало, как на костре. Незнакомец, зала, одним словом все, казалось, металось и кружилось. Затем из этого хаоса вырисовался сводчатый коридор. Молодой женщине показалось, что она пробежала по этому коридору и проникла в комнату, в глубине которой, на возвышении, стояла широкая кровать. На подушках билась в конвульсиях агонии какая-то женщина с распущенными волосами. Мужчина, одетый во все черное, склонился к умирающей и что-то говорил ей, но Алиса не могла расслышать его слов, так как острая боль терзала ее и все ее внимание было сосредоточено на женщине, скрывавшейся в драпировках кровати. Глаза этой женщины, сверкавшие адской злобой, казалось, приросли к ней. Они жгли ее и причиняли невыносимое страдание. Затем все снова стало кружиться. Алиса почувствовала, что она падает в какую-то черную бездну и потеряла окончательно сознание.

Когда молодая женщина открыла глаза, она лежала на своей кровати. У изголовья ее сидела добрая Сузанна, а рядом на маленьком столике стояло несколько пузырьков с лекарствами.

– Что это значит, Сузанна? Разве я была больна? – спросила Алиса слабым голосом.

– Ах, маркиза! Как вы напугали нас! Но вот, слава Богу, вы, наконец, пришли в себя. Доктор предвидел это и запретил вам говорить, – радостно сказала экономка, заставляя Алису принять ложку лекарства, после приема которого та заснула глубоким и укрепляющим сном.

Когда Алиса проснулась, было уже довольно поздно. Сон подкрепил ее, и она уже не почувствовала такой слабости, хотя и была страшно утомлена. Теперь к ней вернулась память. При воспоминании об ужасном видении нервная дрожь пробежала по ее телу.

– Сузанна! – сказала она, хватая руку экономки. – Я видела привидение.

– Иисусе Христе! Пресвятая Дева Мария! По всей вероятности, вам явилась Белая Дама Башни? Значит, недаром звучал так ужасно колокол! – вскричала Сузанна, осеняя себя крестным знамением.

Алиса покачала головой. Затем, рассказав, что случилось с ней, она прибавила:

– Отчего вы ничего не сказали мне про этот колокол? Отчего его никто не возьмет оттуда?

– Кто же захочет погубить свою душу прикосновением к этой дьявольской вещи! Я горько упрекала себя, что не предупредила вас об этом, маркиза. Но зато как я была и наказана, когда услышала дьявольский звон и убедилась, что вы еще не возвратились домой! Несмотря на свой страх, я собрала людей, и мы отправились искать вас. Но мы вряд ли нашли бы вас, если бы вам не помог господин Ренуар, также прибежавший на звон колокола. Узнав, что вы еще не возвращались домой, несмотря на то, что было уже за полночь, он сделался такой странный, что я не могу вам сказать. Наговорив целую кучу какой-то непонятной галиматши, он провел нас прямо на башню, где мы и нашли вас в обмороке. С большим трудом мне удалось привести вас в чувство, но так как вы начали бредить, то я решила послать за доктором.

– Да, эти развалины ужасны! Там были совершены страшные преступления, – пробормотала Алиса, закрывая глаза.

Вечером жар снова усилился. Более двух недель молодая женщина была опасно больна и не могла вставать с постели. Простуда и нервное потрясение в связи с волнениями последнего времени, причинили ей опасную горячку.

Сузанна с самоотвержением ухаживала за своей молодой госпожой. Добрая женщина приходила в отчаяние от отсутствия маркиза. Ей хотелось послать маркизу телеграмму, но осторожный Беранже не оставил своего адреса, так что экономке пришлось отказаться от исполнения своего желания. Что же касается маркизы, то она произносила имя мужа только в бреду.

Молодая женщина начала уже вставать с кровати, когда неожиданно приехала Марион. Найдя свою подругу брошенной, больной и исхудавшей, как тень, госпожа Лаверди пришла в негодование и объявила, что сейчас же увезет ее к себе, тем более, что она приехала одна. Ее муж вместе с мачехой должны были приехать только через две недели. Но она ничего пока не сказала о том, что ее протеже, молодой моряк, приедет через несколько дней. Марион заставила Алису подробно рассказать про все проступки маркиза, внимательно прочла и осмотрела все доказательства его неверности и заметила, покачивая головой:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.